

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

25

МЮНХЕН 1982

ОГЛАВЛЕНИЕ

Маленький юбилей	1
<i>В. Писарев. Русские пришли!</i>	2
<i>Джон Рейли, Юрий Фельштинский. СССР—США. Торговля</i> <i>и политика (окончание)</i>	4
<i>В. Пирожкова. Легенды о Сталине</i>	8
<i>Игумен Геннадий (Эйкалович). Что такое власть?</i>	13
<i>Н. Дорошин. Уральское казачье войско</i>	14
<i>Е. Кармазин. Об очерках Сокирко-Буржуадемова</i>	18
<i>Д. Штурман. Уроки в пустом классе</i>	23
<i>А. Федосеев. Советская власть — религиозная категория?</i>	27
<i>Размышления о Синае.</i>	30
<i>Протоиерей Д. Константинов. Суббота для человека</i>	33
<i>Владимир Рудинский. Обзор зарубежной печати</i>	35
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Г. Алексенко. Ф. Мельников. "Откуда произошла вера в Бога"</i>	40
<i>В. Пирожкова. Дора Штурман "Наш новый мир" (теория,</i> <i>эксперимент, результат)</i>	42
<i>Письма в редакцию</i>	44

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 25

Июнь 1982

МЮНХЕН

МАЛЕНЬКИЙ ЮБИЛЕЙ

Двадцать пятый номер. Это все же маленький юбилей журнала, который каким-то чудом существует уже шесть лет. Почти без денег, почти без добровольных сотрудников — сотрудников, не авторов. Авторы, и весьма хороших, у журнала немало, за что мы им всем приносим глубокую благодарность, тем более, что все они пишут без вознаграждения.

Шесть лет тому назад три человека решили создать последовательный антикоммунистический журнал и постараться объединить вокруг себя твердых антикоммунистов из всех "волн" эмиграции, равно как и людей с различными представлениями о будущем России, монархическими и республиканскими, лишь бы они уважали свободу и достоинство человека. Журнал должен был получить христианское направление, но уважающие христианство представители иных религий или неверующие не должны были быть исключены из числа сотрудников.

Разрешим себе процитировать несколько мест из обращения к читателям, напечатанного в первом номере журнала, вышедшем в свет в мае 1976 г.: *"Голос Зарубежья" хочет быть голосом русской эмиграции, независимо от времени появления ее за рубежом, и одновременно голосом, перекликающимся, насколько это возможно, со всеми теми на родине, кто отказывается связать себя духовными узами застывшего марксизма и так называемого "научного коммунизма"...*

Глубоко христианская направленность журнала не является препятствием для обсуждения на его страницах разных проблем мировоззрения, философии, науки, культуры, политики и общественных вопросов...

Конечно, такая дискуссия должна быть ограничена известными пределами. У каждого журнала — свое лицо, и облик его не должен расплываться и не иметь ясных контуров. "Голос Зарубежья" — антикоммунистический и антимарксистский журнал, и на страницах его не может быть места идеям любого тоталитаризма и любой идеологии, принимающей часть за целое и искажающей мир, творение Божие.

Особой целью журнала является борьба против глубоко ложной марксистской идеологии и бесчеловечного претворения ее в жизнь".

С глубокой благодарностью ко всем сотрудникам, прежде всего авторам "Голоса Зарубежья", мы отмечаем, что поставленные с первого номера цели были в пределах возможного достигнуты. Вот выдержка из рецензии на № 23 "Голоса Зарубежья" в "Новом Русском Слове" от 22 января: *"В одной из предыдущих рецензий мы охарактеризовали этот журнал как явление в наши дни необычное. Необычен он, главным образом, потому, что последовательно придерживается отчетливо выраженной линии принципиального антикоммунизма, столь "немодного" в некоторых западных и даже эмигрантских кругах, а также связывает эту свою позицию не только с идеологическими, но и с духовными предпосылками"*.

Разослав 30 экземпляров первого номера по случайным адресам, маленькая группа не сделала, не могла сделать ничего больше для распространения журнала, надеясь на то, что направление и качество журнала привлекут читателей и абонентов. Так оно и получилось. В удивительно короткое время журнал разлетелся по всем континентам.

Этим он обязан прежде всего — мы это подчеркиваем еще раз — авторам, бескорыстно печатающимся и отдающим журналу свои знания, труд и глубоко продуманные мысли. Многие из них стали постоянными сотрудниками, другие помещают статьи время от времени. И замечательно, что среди них есть авторы из первой, второй и третьей, новейшей, эмиграции! Несмотря на разный жизненный опыт и, конечно, неизбежные разногласия по отдельным вопросам, их всех объединяет стремление бороться со злом и по мере сил и возможностей помочь нашей страдающей родине. Авторам мы приносим еще раз самую горячую благодарность.

От души благодарим мы и подписчиков, и тех, кто жертвует на журнал. Нужно отметить, что многие подписчики присылают хоть на несколько долларов больше, чем стоит журнал в

год (20 долларов). Мы всегда это отмечаем и благодарны за каждый лишний доллар. Но мы пользуемся возможностью тут же попросить прощения за то, что не всем отвечаем или отвечаем поздно. Мы ведь не можем оплачивать помощников, а где найти добровольцев? Почти чудо и то, что журнал выходит в свет без больших опозданий.

Недостаток средств перевел издание в 1978 году — как это ни парадоксально звучит — в Сан Франциско. Да, труд в Германии так высоко оплачивается, что печатать в США оказалось дешевле, несмотря на стоимость пересылки значительной части издания в Европу. Тем более, что доллар стоял низко. Но оплата труда повысилась и в США. Доллар сильно повысил-

ся в курсе, и оказалось, что издание в немецких марках (а все же главную помощь мы получаем в Германии от добровольных пожертвований) оказалось слишком дорогим. Снова надо было искать более дешевые возможности или прекращать издание. Что эти возможности открылись в святом городе Иерусалиме, наполнило душу тихой радостью.

Так мы встречаем маленький юбилей 25-го номера. Если Бог даст, то журнал будет издаваться и дальше, если нет, то останется хоть сознание, что было сделано все возможное. Мы живем в тревожное время, когда загадывать надолго нельзя.

Редакция

В. ПИСАРЕВ

РУССКИЕ ПРИШЛИ!

Незадачливые герои Джерома К. Джерома, отправившись в увесилительную прогулку по Темзе, забыли дома консервный ключ. И остались без десерта, поскольку без ключа открыть банку с компотом не смогли!

Они трудились не покладая рук, использовали любые подручные материалы, от камня до мачты собственной лодки, чуть не угробили друг друга и в конце концов забросили банку в реку. Им показалось, что мятая, деформированная банка с компотом превратилась в издательски ухмыляющуюся жестяную морду!

Вот такой же, нескрытой жестянкой, во вмятинах которой угадывается издательская ухмылка, смотрит на нас коммунизм!

В Советском Союзе, где нормы поведенческих реакций обуславливаются постановлениями последних съездов и пленумов, — все просто!

К примеру, на сегодняшний день в Союзе, если не сам И. Сталин, то сталинское время реабилитировано полностью. Сложнее обстоит дело с отношением к коммунизму западных демократий. Создается впечатление, что и серьезного осуждения этих отношений не было!

И если тот же А. Солженицын требует внимания к этой проблеме, то даже из либерально-демократических кругов раздаются голоса: Запад не знал, не ведал, не было опыта, секретность, дезинформация, железный занавес, бамбуковый занавес и т.д. и т.п...

Бедный Запад! Так-таки ничего он и не знал? Можно подумать, что "Коммунистический манифест" впервые в России был опубликован!

А ведь задолго до создания "первого в мире рабоче-крестьянского государства", Ф. Энгельс писал: "... коммунизм является не

только партийной доктриной рабочего класса, но теорией, конечной целью которой является освобождение всего общества, включая и капиталистов, от тесных рамок современных отношений".

Неужели не читали, господа? И как вам, в "тесных рамках современных отношений", не жмет? А то ведь освободители у порога!

И тот общественный слой, который поставляет передовые отряды освободителей, указан марксизмом точно и недвусмысленно.

Так, по Ф. Энгельсу, фабричные рабочие и члены крупных тред-юнионов базой социальной революции ни в коей мере служить не могут. Этой базой являются только неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие Ист-Энда.

В. Ленин в письме к И. Арманд не отвергает мысли использовать проститутку в борьбе против самодержавия, а несколько лет назад советский журнал "Иностранная литература" вполне серьезно обсуждал вопрос об использовании феминистского движения для расшатывания "бастиона международного империализма".

Коммунисты — мастера политических провокаций, первыми в бой никогда не бросаются. В статье "Будущая итальянская революция и социалистическая партия" Ф. Энгельс, этот стратег и тактик уличных боев и городской "герильи", пишет, что коммунисты "... рассматривают всякое революционное или прогрессивное движение как шаг в направлении их собственного пути; их особая задача состоит в том, чтобы толкать вперед другие революционные партии и в случае победы одной из них отстаивать интересы пролетариата".

Ф. Энгельс предлагает далее, чтобы респуб-

ликанцы и радикалы сами выходили на улицы, что же касается коммунистов, то они обязаны "не жертвовать понапрасну только что сформировавшимся ядром нашей пролетарской партии..."

И, пассивно наблюдая разгул экстремизма и терроризма в обществе, не пора ли подумать, кто за этим стоит, кто подталкивает любое движение, расшатывающее демократию, и кто, в конечном счете, будет смеяться последним?

Но западная общественность думать об этом не желает. Научно аргументированных статей она не читает (слишком сложно для восприятия), а конкретных, радикальных мер борьбы — принципиально не принимает!

Однако коммунизм надо как-то объяснить! И его объясняют исходя из нехитрой теории, что вся действительность победившего коммунизма обусловлена национальными чертами русского народа.

В последнее время эта теория находит сторонников и среди некоторых эмигрантов третьей волны. Относясь сам к числу эмигрантов последней формации, я беру на себя смелость высказать эту мысль. Эти новоявленные "антикоммунисты" перетаскивают на страницы русскоязычной эмигрантской прессы взятое из учебников истории КПСС гнусное и лживое определение "стольпинские галстуки"!

Да, "галстуки"! Только не надо лгать и вводить в заблуждение "прогрессивную общественность", не желающую думать!

Для кого "галстуки", вот вопрос? Для мирного обывателя? Для оппозиционных партий? Для свободной прессы?

Нет "галстуки" предназначались для революционеров-террористов, (коих и повешено было, если мне не изменяет память, не более двух десятков), и это, по сю пору, вызывает такой гнев в обществе!

А ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ЗАМУЧЕННЫХ, ЗАМОРДОВАННЫХ, РАССТРЕЛЯННЫХ — ВАС НЕ ТРЕВОЖАТ?

И неужели никому не приходит в голову, что авторы подобного рода экзерсисов, предположим, что невольно, а те, кто за ними стоит, — вполне сознательно, пытаются доказать доверчивой публике простенькую теорему: не смейте применять к антисоциальным элементам суровых мер воздействия, — как бы чего не вышло!

П.А.Столыпин понимал простую истину: **ТЕРРОРИЗМ ВСЕХ МАСТЕЙ СХОДИТ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЫ ТОГДА, КОГДА ОН ПОЛУЧАЕТ ВООРУЖЕННЫЙ ОТПОР!**

Пример тому сам Карл Маркс! Как только закончился Кельнский процесс 1852 года, на котором семь членов Союза коммунистов за государственную измену получили от 3 до 6

лет крепостей, К. Маркс, по свидетельству Ф.Энгельса, мгновенно прекращает заниматься политической агитацией и посвящает себя "... изучению в течение десяти лет богатых сокровищ, которые имелись в библиотеке Британского музея в области политической экономии".

Ну, что ж, К.Маркс поступил правильно. За изучение политэкономии в правовом государстве в крепость не сажают!

Мир, в целом, давно съехал к философии древнего грека, утверждавшего, что общество отнять жизнь у преступника не имеет права.

Слава Богу, приехали! Но ведь сейчас не эпоха древней Эллады, мы все живем в эпоху организованного, **ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО** терроризма! И террорист отнять жизнь у личности имеет право, а общество отнять жизнь у террориста права не имеет?

Конечно, с этой точки зрения П.А.Столыпин — реакционер, а любой представитель "национально-освободительного движения" — носитель передовой идеи! Мыслители с базаками!

Одно из основных положений марксизма гласит, что "насилие — это повивальная бабка Истории". И если западная общественность так терпимо относится к насилию, захлестнувшему весь мир, то просто удивление берет, дался ей этот Столыпин, и чего это в него так вцепились?

Неужели только для того, чтобы успокоить себя? Коммунизм, мол, явление чисто русское и ни америкам, ни европам не грозит!

В книге "Россия во мгле" Г.Уэллс писал, что он не встретил в своей жизни марксиста, который прочитал бы до конца "Капитал" К.Маркса.

Без особого преувеличения то же самое можно сказать и о тех, кто теорию коммунизма изучал по расширенному варианту "Краткого курса истории ВКП (б)".

У них по сю пору непонятый ими коммунизм причудливым образом переплетается с феноменом загадочной славянской души.

И вместо того, чтобы заняться изучением марксизма, за историю России взялись. Треплют ее направо-налево, рассматривают и в фас и в профиль, и взад и вперед и наизнанку выворачивают! И все к одному выводу приходят: не повезло России с царями!

Что же касается российской действительности, то, кроме клейменных лбов, рваных ноздрей, паленых бород да врожденной привычки к рабству, ничего иного обнаружить не удалось!

Да куда уж нам, дуракам, чай пить! Своим суконым рылом, да в калашный ряд европейской Истории!!!

Та же Франция, Италия, Германия да Британия... Не травили, не душили, не вешали! На галеры не ссылали, дворцовых переворотов не

устраивали и на баррикады не выходили!

Короче, никаких трупов в шкафах европейской Истории нет, а новый плотницкий инструмент — гильотину, тульский Левша смастерил! Каков мерзавец, а?

И если коммунизм — произвольная национальных черт русского народа, обусловленная к тому же политикой царского самодержавия, то не удивляет ли вас, уважаемые дамы и не менее уважаемые господа, сколь велика оказалась семья царей русских?

Это какими же, побочными или незаконнорожденными отпрысками царской фамилии являются Мор, Кампанелла, Фурье, Маркс и Робеспьер?

Ну, скажем, Степан Халтурин — наш! И Вера Засулич, и Александр Ульянов — тоже наши!

А Мао, Кастро, Тито, Альенде, Менгисту, — они чьи? Тоже наши родственники?

СПАСАЙТЕСЬ, КТО МОЖЕТ! РУССКИЕ ПРИШЛИ!

Но вновь и вновь возникает вопрос: "Почему победили коммунисты в России?"

Перенесем вопрос в иную плоскость: "Почему не победил коммунизм в странах Европы?"

Ответ на этот вопрос без особого труда можно найти не только в ленинских работах, но и в элементарных курсах истории партии.

Во Франции коммунары потерпели поражение потому, что развернули не массовый, а частичный террор, а Тьер не остановился перед тем, чтобы применить против коммунаров пушки!

Английское правительство, почувствовав революционное настроение, ввело цензуру и переполнило тюрьмы социалистами!

В Германии правительство вошло в сговор с генералитетом и вывело на улицы войска!

И "белый террор" в Финляндии, и "потопленная в крови" революция в Венгрии!

Не нравится, не правда ли? Реакция и подавление гражданских свобод!

А что же было в России в 17-ом году?

Еще в своих "Письмах издалеко" и позже, вернувшись из эмиграции, В. Ленин неустанно подчеркивает одну и ту же мысль: "Россия — самая свободная страна", в России нет насилия над массами, в России правительство не вмешивается в политическую деятельность!

Временное правительство только грозит применить репрессии. Спешите, спешите использовать этот момент, пока правительство от слов не перешло к делу!

И правительство от слов к делу не перешло! Не успело? Ну, зачем так упрощать?

Россия так долго и трудно рвалась к свободе, что, добившись ее, заболела "боязнью не-свободы"!

Джон РЕЙЛИ

Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ

СССР — США. ТОРГОВЛЯ И ПОЛИТИКА*

Советское правительство в своей внутренней пропаганде поворачивает против Запада даже такие "положительные" стороны детанта, как, например, расширение экономических связей между Советским Союзом и Западом. Кремль скрывает от народа правду об экономическом положении страны. Так, Москва никогда не упоминает, что имеет дефицит в торговле с Западом, что экспортирует — сырье, а импортирует — новейшую технику. Наоборот, утверждает, что советские товары — лучшего качества и западные специалисты их высоко ценят. Факт закупок зерна за границей держался в секрете вплоть до объявления президентом Картером частичного эмбарго, когда, не устояв перед соблазном новой антиамериканской пропагандной кампании, советское правительство, не указав конкретных цифр, сослалось на хлебные поставки в СССР и введенное на них эмбарго.

Делая все от себя зависящее, чтобы советский народ не имел доступа к западным источникам информации, кремлевское руководство одновременно успешно ведет советскую пропаганду на Западе. Здесь, однако, нельзя обойтись обычной дезинформацией, используемой для одурманивания умов советских граждан. Нужны еще и идеи, которые покажутся Западу настолько разумными, что будут подхвачены и распространены средствами массовой информации свободного мира. С этой задачей советская пропагандная машина справляется великолепно. Так, многие аргументы американских сторонников расширения экономических связей с СССР впервые были высказаны именно кремлевским руководством в беседах с иностранцами или советской печатью; например, положения, что "торговля укрепляет детант" или что "советские заказы дают рабочие места тысячам американцев".

В привлечении западных фирм к сотрудничеству с Советским Союзом Москва активно

* Окончание. Начало см. в № 24 "Г.З."

использует и конкуренцию между отдельными компаниями или странами. В конце 1976 г. Брежнев в беседе с американскими бизнесменами заявил, что в период 1974–76 гг. Советский Союз перевел в Японию и Западную Европу предназначенные для США заказы на сумму до 2 млрд. долл. И эхом отдалось в американских деловых кругах и прессе: "Если не продадим мы, продадут другие, а США окажутся в проигрыше". Соединенные Штаты действительно окажутся в проигрыше, если экономические санкции в будущем будут применяться так же бездумно, как эмбарго президента Картера. Не обеспечив никакой дипломатической подготовки своему жесту, Картер не сумел предотвратить советских хлебных закупок в Австралии, Канаде и Аргентине, а возможно, что и в самих США (через третьи государства или подставных лиц). А поскольку политический эффект эмбарго определялся его экономическим значением, под вопросом оказалась полезность американских санкций в целом. Здесь, однако, не стоит бросаться из крайности в крайность. Мы не знаем, что становится с американским хлебом, закупаемым Советским Союзом: используется ли он немедленно или консервируется впрок, и каковы "неприкосновенные" хлебные запасы СССР. Именно поэтому нельзя по одному году судить о влиянии или невлиянии эмбарго на советскую экономику. Остановимся на том, что, если драгоценные валютные доллары тратятся советским правительством на зерно, а не на организацию еще одной революции в Латинской Америке, это означает, что у кремлевского руководства нет иного выхода.

Отказ Советского Союза от идеологического детанта заводит в тупик и переговоры о сокращении вооружений. Только тогда, когда достигнуты соответствующие политические договоренности, можно всерьез приступить к обсуждению вопросов о сокращении вооружений. Для этого Москве необходимо отказаться от военной, материальной и пропагандистской поддержки "антимпериалистических" группировок, в том числе и террористов; прекратить глушение немногочисленных западных радиостанций, которые, с подписанием заключительного акта Хельсинского соглашения, ставшего очередным мертвым международным документом, еще раз получили свое и без того законное право беспрепятственных трансляций на Советский Союз и Восточную Европу; предоставить советским гражданам доступ к западным средствам информации...

Политические соглашения и идеологическая разрядка должны предшествовать переговорам о сокращении вооружений не по гуманитарным или дипломатическим соображениям, но по чисто практическим. Самая сложная часть договора — проверка его исполнения. В

Соединенных Штатах контроль обеспечивается свободной американской прессой и общественными организациями. Но в Советском Союзе, где и пресса, и общественные организации подчинены правительству, контроль за соблюдением правительством договора о сокращении вооружений не может осуществляться. Именно поэтому борьба за свободу неправительственных общественных организаций в Советском Союзе, таких, как группа содействия выполнению Хельсинских соглашений, ни в коем случае не может рассматриваться как внутреннее дело Советского Союза.

Но даже если и согласиться на заключение договоров об ограничении вооружений без возможности контролировать действия советского правительства, фактом остается то, что договоры эти предусматривают ограничение новейших, но не обычных видов вооружений и численного состава армий. В результате, сохраняя с Соединенными Штатами ядерное равновесие, Советский Союз имеет неограниченные возможности по ведению "малых войн", таких, как афганская. На очереди, безусловно, стоят Иран, Таиланд и Южная Корея. И уже сегодня Запад вынужден откровенно признать, что не пойдет на атомную войну с СССР ни из-за одной из этих стран, ни из-за трех вместе взятых.

Никогда еще Соединенные Штаты не были так беззащитны, как сегодня. В течение восьми лет — в годы администрации Никсона и Картера — вооруженные силы страны разоружались в одностороннем порядке. В добавление к этому, воспользовавшись Уотергейским делом и идя на поводу у американского общественного мнения, президент Картер провел ряд мероприятий, существенно ослабивших и без того несильные позиции ЦРУ. Обязанное отчитываться перед несколькими сенатскими комиссиями, оно фактически потеряло какую-либо самостоятельность и было значительно рассекречено. В соответствии с реформами Картера, в отставку уволили несколько сот кадровых сотрудников Центрального разведывательного управления, начавших свою службу еще во времена Аллена Далеса (1953–1961 гг.) и Джона Маккоуна (1961–65 гг.), а докладам ЦРУ стало уделяться значительно меньше внимания. Последствия сказались немедленно. Несмотря на многочисленные и объективные доклады ЦРУ о ситуации в Иране, администрация Картера бездействовала и до падения шаха, и после него и была застигнута врасплох захватом американских дипломатов в Тегеране.

Экономический детант в советско-американских отношениях также невозможен. Дело в том, что понятие "честных сделок", широко применяемое в деловых отношениях между странами Запада, в принципе чуждо советскому правительству. Уже несколько раз Москва обманывала Вашингтон в самом примитивном

смысле этого слова. Например, крупные закупки Советским Союзом американского зерна постоянно приводят к нестабильности и росту цен в американском сельском хозяйстве.

Когда в 1972 г. СССР впервые и неожиданно закупил огромную партию американского зерна — 18 млн. метрических тонн (мнт) — это вызвало не только рост цен на зерно на внутреннем американском рынке, но и общий рост цен на продукты, а следовательно — инфляционный скачок. В ноябре 1977 г. Брежнев заявил, что урожай года будет меньше запланированного. Это заявление также способствовало повышению цен на продукты питания в Соединенных Штатах. Летом 1979 г. американское министерство сельского хозяйства сообщило о новом слабом урожае в Советском Союзе, что привело к очередному повышению внутренних американских цен на продуктовые товары.

Но в чем же виновато советское правительство? А только в том, что американские фермеры, равно как и Белый дом, не знают, какое количество зерна будет закуплено Советским Союзом. Статистические данные об урожае года появляются примерно в октябре. Но даже тогда советское правительство не сообщает, сколько тонн хлеба оно намерено импортировать из США. Известно, что, согласно договору, Советский Союз закупает ежегодно не менее шести мнт. Верхний предел, значительно превышающий минимум (в 1979—80 г. он равнялся 25 мнт), устанавливается американским правительством. Но размер действительных советских закупок держится в секрете до самого последнего момента. Отсюда рост цен на промышленные товары внутри Соединенных Штатов.

Западная технология используется Советским правительством не только для совершенствования военной машины, но и для вытеснения с мировых рынков западных производителей. Советская сторона имеет ряд преимуществ в конкурентной борьбе. К уже указанным — дешевой рабочей силе и низким ценам — прибавляется возможность концентрации основного капитала и труда квалифицированных специалистов и ученых в одной отрасли, отсутствие свободных профсоюзов, забастовок и организаций, следящих за защитой окружающей среды. Подобная конкуренция — не вопрос далекого будущего, но проблема настоящего. Так, летом 1979 г. 13 американских химических компаний и фермерских кооперативов жаловались, что советский аммоний продается в США по ценам, которые в некоторых случаях ниже себестоимости аммония в Соединенных Штатах. И в то время как в Советском Союзе с помощью американской компании Оксидентал Петролеум Корпорейшн и на кредиты Экспортно-Импортного банка США построили советский завод по производству ammo-

ния, ряд американских предприятий данной отрасли закрылся.

В марте 1980 г. американская компания Сатра Корпорейшн заявила, что она собирается построить завод в Саванне, штат Джорджия, где она будет переделывать советские малолитражные автомашины "Лада" для продажи их в США. Импорт советских машин предполагалось начать в этом году, причем планировалось, что в первый год будет продано примерно пять тысяч машин, а в последующие — значительно больше. Ясно, что самый сильный урон от этой акции понесет фирма "Фиат", на свою голову построившая в СССР завод в Тольятти, выпускающий "советские фиаты". Продаваемые по низким ценам "Лады", безусловно, вытеснят "Фиаты" с американского рынка. Некоторый ущерб будет нанесен американской и японской автомобильной промышленности.

Нам понятно, когда на основании принципа свободной конкуренции японские автомобили, продажа которых в Соединенных Штатах приносит колоссальный ущерб американским автомобильным заводам, беспрепятственно продаются в США, а американские — в Японии. Но на каком основании дается разрешение на продажу в США советских автомобилей в то время, как советский рынок для американских машин закрыт?

Советский Союз не собирается останавливаться на достигнутом. Еще в 1977 г. министр внешней торговли СССР Патоличев заявил, что "цель СССР — значительно расширить экспорт машин и оборудования... Импортная политика СССР направлена на повышение эффективности советской экономики". Его заместитель, Ю. Брежнев, сын Л. Брежнева, добавил: "Внешняя торговля позволяет существенно ускорить развитие производительных сил и научно-технического прогресса" в СССР.* Следовательно, Соединенные Штаты должны быть готовы к тому, что оставление в силе нынешних принципов советско-американских экономических отношений приведет в недалеком будущем к возникновению советского конкурента-гиганта.

С целью поддержания детанта Соединенные Штаты нередко заключают с Советским Союзом невыгодные сделки. Примером тому может служить соглашение, подписанное еще при администрации Никсона фирмой Оксидентал Петролеум Корпорейшн и советским правительством о поставках в СССР по одному млн. тонн суперфосфорной кислоты в год в течение 20 лет. Выполнение американских обязательств по договору может привести к тому, что к концу века запасы дешевого, легко добываемого фосфата будут почти полностью исполь-

* "Правда", 19 мая 1977 г.

зованы. В США останутся только низкокачественные фосфаты или залежи, которые трудно разрабатывать. Фосфаты используются для производства важных сельскохозяйственных удобрений. Если их запасы иссякнут, Соединенным Штатам придется импортировать их из Северной Африки, Марокко. Это заставит американских фермеров полагаться в основном на иностранные источники, что, в свою очередь, поставит США в зависимость от нового иностранного картеля и во всех случаях приведет к резкому повышению цен на фосфаты.

Опасность экономического детанта с Советским Союзом начинают понимать и некоторые западные специалисты. Так, авторы книги "Американские многонациональные корпорации и американские интересы"* Бергстен и Морэн считают, что "экономический детант всегда будет ставить Соединенные Штаты в невыгодное положение в связи с большим влиянием лоббизма в Вашингтоне, чем в Москве... Советская централизованная структура экономического управления дает СССР возможность эффективно использовать конкуренцию американских и других многонациональных корпораций друг с другом... Многонациональные корпорации могут стать заложниками интересов стран, где они проводят свои операции, и, если они не будут контролироваться, станут защитниками интересов этих стран в большей степени, чем своих..." (стр. 444—446).

В октябре 1980 г. американцы могли еще раз убедиться в существовании подобных защитников советских интересов. Небезызвестный американский бизнесмен Арманд Хаммер, выступая по телевидению, старался оправдать советское вторжение в Афганистан, заявив, что эта акция предпринимается с целью предотвращения захвата Афганистана Китаем. Советская пропаганда утверждала, что угроза нависала со стороны США; но доктор Хаммер сделал скидку на слушателей: "Китай" — звучит правдоподобнее. Недавно Хаммер побывал и в Польше, где был удостоен встречи с главой польского правительства: Польша слишком заинтересована в новых кредитах.

Вместе с тем Советский Союз из всех сил стремится доказать западному общественному мнению отсутствие зависимости между торгово-экономическими и политическими отношениями, подчеркивая, что экономические связи могут успешно развиваться между странами с разными политическими системами и не должны регулироваться политическим климатом. Этот лозунг на заседании американско-советского экономического совета в декабре 1978 г. выдвинул Брежнев. Он, в частности, сказал: "Мы можем не любить друг друга, но торго-

вать". Изречение подхватили заинтересованные группировки в США. Но если нельзя смешивать экономику и политику, то как можно утверждать, что торговля укрепляет детант? Советское правительство слишком хорошо понимает то, о чем однажды проговорился министр внешней торговли СССР Патоличев: внешняя торговля — средство для решения политических и экономических задач. Противоречия в позиции СССР здесь нет. Диалектически рассуждая, Запад, разоруженный идеологически, но имеющий в своих руках сильное "экономическое оружие", им пользоваться не должен, в то время как СССР имеет все права использовать внешнюю торговлю для решения политических проблем.

Понятие "экономического давления" по-разному понимается на Западе и в СССР. Для первого это вопрос заключения или расторжения сделки; для второго — возвращения или аннулирования долгов. Поэтому основной упор делается Советским Союзом на долгосрочное крупномасштабное сотрудничество на компенсационной основе. Согласно этому плану, западные фирмы предоставляют СССР кредиты, технологию, снаряжение и опыт, строят предприятия, а в будущем получают часть продукции в качестве платы за строительство. Выгоды Советского Союза от подобного соглашения очевидны: фирма, рассчитывающая на советские поставки, становится заложником в политической игре Советов; приток западной техники и технологии обеспечивается без затрат валюты и в обход законодательных лимитов на кредиты Советскому Союзу; в будущем обеспечивается рынок сбыта для советских товаров на западе. Результаты подобной политики дали знать о себе совсем недавно. Во время кампании в Западной Европе в поддержку своих санкций президент Картер получил ответ, сводившийся к следующему: экономические связи с Советским Союзом настолько крупномасштабны, долгосрочны и компенсационны, что Западная Европа практически уже не в состоянии разорвать их.

Так связывается воедино советская пропаганда на Западе за расширение экономического сотрудничества с СССР и постепенная зависимость западноевропейских стран и США от Советского Союза. Это еще одна, теперь уже "внешняя", причина, по которой Москва не соглашается идти на идеологическую разрядку. Но без идеологического детанта невозможен и военный детант.

Мы вступаем в замкнутый круг явлений, где три фактора — идеологический, военно-политический и экономический — переплетаются в единый крепкий узел; и каждый стоит обособленно, но не существует отдельно. Однако если первый практически не зависит от западных правительств, а второй — им обусловлен,

* C. Bergsten, T. Moran. American Multinationals and American Interests.

то третий зависит прежде всего от позиции правительства Соединенных Штатов.

Произведенный анализ советско-американских экономических отношений показывает, что Соединенные Штаты в целом, а не отдельные фирмы, торгующие с Советским Союзом, не нуждаются в импорте из СССР и не могут рассчитывать на долгосрочный рынок сбыта. Торговля с Советским Союзом помогает улучшить дефицит торгового баланса США, но незначительно. Чтобы расширить экспорт в Советский Союз, Соединенные Штаты должны предоставить ему огромные кредиты и уже этим способствовать его экономическому раз-

витию. Экономические связи с Советским Союзом фактически становятся помощью коммунистической стране, ставящей своей целью уничтожение западных демократий. Западные правительства делают это исключительно ради политического детанта.* Однако, как показывают и подтверждают события последних лет, кремлевское руководство не собирается идти на уступки ни во внешней, ни во внутренней политике.

* Нет, они делали это и ради своих фирм и предпринимателей. (Прим. ред.)

В. ПИРОЖКОВА

ЛЕГЕНДЫ О СТАЛИНЕ

Свою книжку о Сталине "Победитель коммунизма" (Нью-Йорк, 1981 г.) В. Чалидзе начинает с заявления, которое не соответствует тому, что есть на самом деле. Он считает, что его трактовка Сталина не как коммуниста нетрадиционна, но что есть все же люди, которые заметили, что Сталин "не создал социалистического государства", но у большинства "инерция мышления" не дает этого понять.

Но дело обстоит как раз наоборот. На Западе, где Чалидзе уже достаточно долго живет, как раз его мнение традиционно, больше того, оно вполне традиционно для советской пропаганды среди эмиграции. Вспомним хотя бы младороссов, вождь которых Казем Бек был, как выяснилось позже, советским агентом. Уже в 30-х гг. младороссы писали, что Сталин побеждает коммунизм, уже почти его победил, еще немного и он победит его совсем. Так что мнение В. Чалидзе совсем не ново, ему следует только прочесть младоросские издания 30-х годов. Мы обращаем внимание читателя на статью "Искушение националистов и государственныхников" в № 11 "Голоса Зарубежья".

Уже в предисловии В. Чалидзе заявляет, что Сталин не построил социалистического государства, но т.к. Чалидзе нигде нам не объясняет, как должно было бы выглядеть социалистическое государство, то его утверждение повисает в воздухе. Впрочем, этим грешат все те социалисты, которые утверждают, что в СССР построен ненастоящий социализм: они не объясняют нам, каким же социализм должен быть, если он будет настоящим, а потому их утверждения о якобы искажениях социализма в СССР совершенно голословны.

У Чалидзе все идет дальше в том же бездоказательном стиле. Так он, оказывается, очень хорошо знает, что чувствовал Сталин. Прежде всего, Сталин очень ненавидел коммунизм (Чалидзе так часто с уверенностью пишет о

том, что *чувствовал* Сталин, что невольно встает вопрос, не думает ли Чалидзе, что он так хорошо мог вчувствоваться в Сталина, т.к. он его соотечественник? Думаем, однако, что такое предположение было бы оскорблением для большинства грузин). *"Ненавидя марксизм и коммунистическую идеологию, уничтожив коммунистическую партию Ленина, он был вынужден пользоваться марксистской идеологией, он был вынужден объявить себя продолжателем Маркса и Ленина. Не мог же он, узурпировав власть, выступить по радио и сказать: "Здрасте, я ваш диктатор. С коммунизмом отныне покончено". Но он духарился"* (стр. 7-8).

В. Чалидзе утверждает, что Сталин не знал марксизма, ссылаясь при этом только на одну его позднюю статью "Марксизм и языкознание", но даже этой статьи анализа он не дает, так что и тут его утверждения голословны и неверны. Это можно показать, проанализировав основные произведения Сталина. В короткой статье такой анализ сделать невозможно, но если В. Чалидзе взялся писать книгу о Сталине, то он должен был бы это сделать.

В. Чалидзе говорит также о плане Сталина по уничтожению коммунизма. Так озаглавлена одна глава книжки. Он также утверждает, что Сталин уничтожил европейских коммунистов.

Сравним эти высказывания Чалидзе с высказываниями младороссов в 30-х гг.

"Вырождение Коминтерна... международная революция как практический фактор постепенно исчезла из поля зрения русской рабочей массы..." (младоросская газета "Бодрость" № 3) *"... отступление власти с коммунистических позиций, принявшее за последние месяцы стремительный характер"* ("Бодрость" № 9).

"Социалистическое отечество превращается в Россию, социалистическое строительство — в

борьбу за Русскую мощь, пролетарий – в Нового Русского человека” (“Бодрость” № 2). *“Эволюция Сталина развязала процесс национальной революции... Сталин на тормозах сдает позиции коммунизма*” (“Младоросская искра” № 43). *“У Сталина был и есть известный созидательный идеал. Очень туманный в начале, очень похожий когда-то на ленинский коммунистический идеал, он постепенно, под влиянием действительности видоизменялся. И это видоизменение тем более “органично”, что слой эмигрантско-марксистской сталинской психологии всегда был очень тонок и его научно-марксистский багаж всегда невелик. С государственным, а вовсе не с коммунистическим идеалом Сталина мы и должны считаться*” (“Бодрость” № 52).

Ну, чем не Чалидзе, который пишет, что Сталин строил не социалистическое государство, а империю!

Итак, “ничто не ново под луной”, Чалидзе не сказал никакого нового слова, а почти все списал с младороссов 30-х гг. Ну что ж, может быть, Чалидзе неправ только в утверждении, что он некий новатор, а в содержании своих утверждений прав? Младороссы, умные люди, просто догадались об этом раньше. Но беда-то в том, что глава младороссов, определявших всю их прессу, был советским агентом. Иными словами: *это был заказ самого Сталина так о нем писать!* Если это была правда, которую Сталин боялся сказать внутри страны, т.к. он, по мнению младороссов и В.Чалидзе, должен был играть марксистскими фразами, чтобы удерживать власть, то что побудило его рассказывать ее за границей? Неспokoйная совесть бывшего семинариста? Вряд ли.

Не правильное ли другое предположение? В.Чалидзе пишет: *“Сталин был великий актер и фальсификатор. Он успешно заставлял людей думать о нем то, что он хотел...”* (стр. 7). Чалидзе думает, что Сталин заставил людей думать, что он, Сталин, марксист, продолжатель Маркса и Ленина, а на самом деле он таковым, мол, не был. А что если как раз наоборот? Значительную часть эмиграции в 30-е годы (т.к. большинство младороссов, конечно, не были агенты, а верили искренне в то, что Сталин — не марксист), несколько поколений западных политиков и политологов Сталин обманул, прикинувшись русским националистом, тогда как на самом деле он оставался последователем Маркса и Ленина. А через полстолетия уже мертвый Сталин обманул В.Чалидзе.

Тезис Чалидзе: Сталин строил не социалистическое государство, а империю. Но в чем же тут противоречие? Кто сказал, что не может быть социалистической империи? В социализме все народы должны быть равны? А разве они не равны в рабстве? Как материально, так и в смысле минимальной свободы почти все

народы сателлитов живут лучше, чем русский народ. Так что если они и не совсем равны, то не в пользу “имперского” народа. Уже одно это ясно показывает, что если это империя, то социалистическая, а не национальная.

Если Сталин хотел строить национальную империю, если он хотел не коммунизма с его первой стадией социализма, то зачем он разорил крестьянство? В.Чалидзе этого даже и не пробует объяснить. Он только излагает процесс коллективизации, да и то по Рою Медведеву, изложению которого в смысле верности фактов вряд ли можно доверять. Но он пишет, что Сталин еще до коллективизации начал создавать искусственный голод для того, чтобы оправдать коллективизацию. Зачем это было нужно? Зачем нужно было разорять хлеборобов, подрывать на десятилетия, вероятно, на все время существования советского режима снабжение страны и даже армии продуктами питания? Ради создания великой империи? Совершенно несуразное предположение.

Исключительно ради социалистической идеологии пришлось Сталину разорить крестьянство. Зажиточное самостоятельное крестьянство стоит поперек пути к введению тотального социализма. Это знали все марксисты. Может быть, у иного и не хватило бы холодной жестокости для такого жуткого разгрома крестьянства, но то, что оно должно было произойти, если компартия не хотела отказаться от идеи тотального социализма, это было марксистам ясно. Сталин действовал именно во имя социализма и если империи, то социалистической, а не какой-либо иной. Самое страшное как раз и заключается в том, что ради “мертвой буквы”, ради идеологии Сталин подрывал основы того, что могло бы стать его империей. Если б не идиотизм Гитлера, он бы не пережил второй мировой войны и в первую очередь в этом был виноват страшный разгром крестьянства.

Не менее несуразно утверждение В.Чалидзе, что Сталин в большом терроре уничтожил миллионы для того, чтобы уничтожить “ленинскую партию”. Иными словами, Сталину нужен был фон большого террора, чтобы расправиться с партией. Это уж совсем по Рою Медведеву, который в своей толстенной книге “К суду истории!” плачет только по казненным партийцам, упоминая миллионы погубленных беспартийных небрежно в нескольких фразах. Для коммуниста человеком всегда будет только другой коммунист. Но коммунисты — это не люди. Стоит ли о них писать? Это еще последовательно. Но вот откуда взял Чалидзе, что без уничтожения десятков миллионов Сталин не мог уничтожить несколько сот партийцев? Неужели он думает, что эти миллионы восстали бы в защиту “ленинской партии”? Какая бессмыслица! К концу 30-х гг. широкие народные массы не из страха, а добровольно восхи-

щались бы Сталиным, если б он разгромил "ленинскую партию". Но он ее не разгромил. Все то развитие партии, которое мы наблюдаем десятилетиями, было заложено уже Лениным. Сталин же убрал тех, кто помешал бы этой партии развиваться последовательно, согласно тому, что заложено в марксистско-ленинской тоталитарной идее. Поэтому-то ему и нужно было разгромить прежде всего крестьянство, а потом и интеллигенцию, т.к. эти слои помешали бы последовательному проведению в жизнь тотального социализма. Конечно, и все другие слои народа надо было запугать террором. Только всеобъемлющий террор может заставить население склониться перед идеей тотального социализма.

В. Чалидзе утверждает, что Сталин уничтожил европейский коммунизм, — странное утверждение перед лицом больших и влиятельных компартий Европы. На самом деле Сталин помогал создавать европейские компартии. Коммунисты отделялись от социалистов и основывали свои партии в начале 20-х гг., когда Ленин был уже болен. Сталин дал европейским коммунистам свои 14 пунктов, которые и до сих пор имеют значение. Там, между прочим, отмечен и "особый путь к социализму" различных народов. Так что это не изобретение Хрущева или Брежнева. Сталин дает европейским коммунистам совет не подражать во всем Советскому Союзу. Фактическое развитие побудило его натянуть вожжи и уничтожить неподходивших ему коммунистов, но не компартии как таковые. Это же очевидно. Сталин перенес по Чалидзе центр тяжести коммунистической деятельности в Азию? Но еще Ленин говорил, что путь в Берлин и Париж ведут через Калькутту и Пекин.

И, наконец, В. Чалидзе приводит последний аргумент: в СССР существует иерархия. А ведь социализм же отрицает иерархию, так вот если все прежние аргументы (которых, как мы увидели, вообще не было), не убедили читателя, то этот аргумент должен его сразить. Но, увы, и он не производит никакого впечатления.

1) Принцип иерархии заложен в ленинском "демократическом централизме", из которого уже при Ленине практиковался преимущественно централизм, а то, что он должен был быть "демократическим", быстро забывалось. 2) При Сталине еще не было разработанной иерархии, т.к. никто не был уверен, что сохранит свою голову на плечах. Своеобразный "новый класс" с известными пожизненными привилегиями утвердился после него. 3) Даже и образование некоторой иерархии не доказывает, что Сталин ее хитро задумал. Она могла сложиться вопреки его социалистическим идеям. И 4) надо различать между пропагандой и самой идеей. Уже в централистически и диктаторски организованном 1-м Интернационале

Маркса были заложены ростки иерархии, которая развилась бы и без Сталина.

Интересно мнение Чалидзе о коммунизме. Он пишет, что внедрение в жизнь коммунизма было бы еще много кровавее, чем все, что сделал Сталин. Люди не могут себе представить, что может быть еще что-то худшее, но оно могло быть, если б Сталин стал на самом деле внедрять коммунизм. Чтобы представить себе нечто худшее, чем Сталин, не надо даже напрягать фантазии: это Пол Пот в Камбодже. Неправильно в этой мысли то, что неправильно во всей книжке, а именно утверждение, что Сталин не старался внедрять коммунизм, а "победил" его. Если б он победил коммунизм, то никаких жестокостей и никаких ужасов не нужно было бы. Тезис Чалидзе, что методы Сталина были нужны, чтобы победить коммунизм, не выдерживает ни малейшей критики. Стоило бы только дать дальше развиваться НЭПу, и страна бы расцвела, а коммунизм в самом деле был бы побежден. Но Сталин внедрял всего лишь социализм, а не коммунизм. И Чалидзе прав, что внедрение коммунизма, если оно произойдет, превзойдет все жестокости Сталина.

Вторая верная мысль Чалидзе — это его утверждение, что приращение к "меньшевистскому" (как его называет Чалидзе) социализму в Западной Европе ослабило силу ее сопротивления. Но вот чему? По Чалидзе — Российской империи, на самом же деле этот умеренный социализм ослабил силу сопротивления тотальному социализму. И это вполне последовательно.

Непонятно только, как можно в наше время, когда попытка проведения в жизнь марксизма дала столь похожие результаты в разных странах писать то, что пишет Чалидзе. Или по Чалидзе победителями коммунизма являются Тито, Мао, Кастро и т.д.? Попытки представить режим в СССР как некое продолжение Российской империи со стороны диссидентов не новы. Все они упираются в одну историческую личность: в Иоанна Грозного. Читая книжку Чалидзе, так и ждешь, когда же наконец появится это имя. И в самом деле, на стр. 49 оно тут как тут! Все это пишется по шпаргалке и у знающего человека ничего, кроме скуки не вызывает. И тем не менее приходится на это возражать, т.к. непрерывное стремление некоторых "диссидентов" свести все, что происходит и произошло в СССР, к русской истории и, перепрыгивая столетия назад, к Иоанну Грозному, видимо, по их мнению единственному монарху русской истории (разве еще был Петр Великий), фактически обеляет коммунизм и представляет собой огромную опасность для всего мира, не говоря уж о несправедливости по отношению к русской истории. Кто обратит внимание на одну фразу предупреждения

в книжке Чалидзе, что проведение в жизнь коммунизма было бы страшнее даже сталинского времени? Большинство только обрадуется, что социализм и коммунизм якобы не виноваты в происшедшем, а виноваты все те же несчастные русские.

В.Чалидзе, в сущности, считает, что Сталин сделал доброе дело, т.к., хотя он был и очень жесток, но иначе навести порядок было нельзя, а коммунистические экспериментаторы причинили бы еще больше вреда. Сталин же якобы покончил с коммунизмом: *"...вся его жизнь с середины 20-х гг., все существо его было подчинено идее победить в России противостоительный коммунистический бред, овладевший многими. И он сделал это кроваво и отупляюще, но никто тогда не имел воли сделать это менее кроваво, а те, кто владел Россией в то время, готовы были до бесконечности экспериментировать над народами во имя утопического бреда"* (стр. 16).

Мы уже видели, что на самом деле именно Сталин кроваво экспериментировал над народами и как раз во имя утопического бреда. Но Чалидзе работает над легендой о Сталине.

Другим защитником Сталина, хотя и не таким открытым, как В.Чалидзе, является анонимное *"Слово нации"*, опубликованное в № 3 журнала *"Вече"*. В этой связи мы должны кратко остановиться на проблеме опубликования органами эмигрантской печати материалов Самиздата. С одной стороны, ни одна редакция не может сообщить, через какие каналы она эти документы получила. С другой стороны, читателю предлагается материал, якобы исходящий из кругов подполья Советского Союза того или другого направления или течения в этом подполье, или печатаются статьи отдельных известных лиц под их настоящей фамилией. Но читатель не получает никаких доказательств, что это действительно материалы из подполья или же статьи данного автора. Мне лично известны случаи легкомысленного отношения к этой проблеме со стороны некоторых редакций, печатавших материалы, переданные случайными лицами без всякой их проверки. Поэтому на читателя ложится тяжелое бремя: попытаться проанализировать такие материалы и решить для себя, можно ли верить, что данная статья пришла из настоящего подполья, или она — подброска КГБ, или же, наконец, сфабрикована здесь и выдана за самиздатовскую. Последняя возможность тоже не исключена.

После этого общего замечания обратимся к *"Слову нации"*. Для его авторов, так же, как и для Чалидзе, Сталин — тот, кто создал порядок. *"Из потрясений выросла новая общественная организация. Какое-то время ею пытались орудовать сеятели перманентного хаоса, но они были быстро выбиты из седла и беспо-*

щадно уничтожены силой, происхождения которой они так и не поняли. Зато понял это В.В.Шульгин, отметивший такие положительные, с его точки зрения, факты, как восстановление дисциплины в армии, восстановление почти в полном объеме старых границ, и предсказавший восстановление, в конечном итоге, и единичной власти" (стр. 110). В другом месте Сталин весьма возвеличивается: *"Поэтому так часто люди категорических суждений затрудняются в оценке революционных кульминаций и не могут уловить, где кончается революция и начинается контрреволюция, кем были, например, Кромвель, Наполеон, Сталин. Сами по себе подобные извержения жизненной энергии народов — естественные явления, которые не могут быть искусственно вызваны по чьему-либо желанию в любой момент истории или предотвращены по чьему-либо нежеланию"* (стр. 112).

Так Сталин, разгромивший основу народа — крестьянство, уничтоживший мыслителей, интеллигенцию, покрывший всю страну погребальным покрывалом, объявляется *"извержением жизненной энергии народа"*! Так творятся легенды о Сталине. Кому это нужно? Авторы *"Слова нации"* вообще склонны к диктатуре. Они издеваются над демократией, издеваются над свободой мнения, над тем, что *"лучшие умы"* (в *"Слове"* стоит в кавычках) будут давать советы правителям, которые, мол, сами знают, что делают. Т.к. конкретно не называется, кто эти правители, и нигде вообще не ставится вопрос о свержении советской власти, то эти правители, видимо, и есть теперешние правители. Авторы требуют централизованного государства, оговариваясь в скобках, что имеется в виду не конкретная форма, а сущность. Но если конкретная форма безразлична, то отчего бы не взять уже существующую?

Далее авторы требуют централизованного экономического планирования, т.е. сохранения нынешней экономической системы, хотя и несколько оговариваются в вопросе крестьянства. Они издеваются над критикой теперешней бюрократии и привилегированного слоя. Их не страшит и тоталитаризм, они слова *"свобода"* и *"тоталитаризм"* пишут в кавычках и заявляют, что не в этом дело. Во внешней политике они требуют роспуска НАТО и Варшавского пакта. После свержения советской власти? Об этом нигде ничего не говорится. Кроме того, если б советская власть так или иначе была свергнута, то от Варшавского пакта сразу же не осталось бы и следа. Так что, видимо, это требование применимо и к теперешнему положению, а оно-то и является программой советской власти. Авторы ставят как пункт *"отвод русских войск с территории других стран при условии аналогичных действий со*

стороны США" (стр. 129). Но никаких русских войск нет на территориях других стран. Есть советские войска. Анонимные авторы "Слова" ставят знак равенства между "русский" и "советский", как это делают русофобы всех мастей. Они подписали "Слово" "Русские патриоты" — не было бы правильнее "Советские патриоты"?

Но, сохраняя почти полностью структуру тоталитарного государства, авторы хотели бы смены идеологии. Идеология должна быть националистической. Их лозунг: *"Для нас нация первична, а все остальное — производное от нее"* (стр. 114). От нации они производят и христианство, искажая его до неузнаваемости. Они христианство называют идеологией и в краткой главе, посвященной религии, показывают, что не имеют ни малейшего понятия о христианстве, думая, между прочим, что человек дошел до идеи Бога (т.е., что Бог — лишь идея человека), а не Бог дал Свое Откровение людям. Отсюда и выпады против Бога Ветхого Завета (Который даже пишется с маленькой буквы), против Которого якобы выступил Иисус Христос! Т.е. полное невежество и полное непонимание христианства. Так что лозунг в конце: *"Да здравствует победа христианской цивилизации против взбунтовавшегося против нее хаоса"* (стр. 131) имеет в виду какое-то фантастическое лжехристианство, а не истинное христианство.

Об этом документе, пожалуй, не стоило бы и писать, если б не внесение авторами в национальный вопрос расизма, который русским был прежде несвойственен, но теперь пробивается то тут, то там.

Вопреки своему же постулату, что нация для них первична, а все остальное — производное от нее, они упрекают Гитлера в том, что он был националистом, а не расистом. *"Оскорбленное национальное достоинство породило Гитлера. Новый режим объявил беспощадную войну вырождению. Но выполнить эту задачу он был не в состоянии, потому что руководствовался вовсе не расовыми принципами, а узконациональным эгоизмом, объявляя неполноценными даже народы, стоящие на том же уровне развития, что и немцы"* (стр. 110).

Авторы "Слова" весьма ошибаются. Гитлер был настоящим расистом. Он играл роль националиста до тех пор, пока для ведения войны ему нужен был весь немецкий народ, так же и его круглоголовые*, темноглазые и темноволосые представители. Если б он выиграл войну,

то разделит бы и немецкий народ на "овец" и "козлий" и обрек бы "расово неполноценных" немцев на подчиненное существование. Следуя одному из своих учителей, англичанину Стюарту Чемберлену, и Гитлер думал, что древние славяне и кельты были близки германцам, поэтому уже во время войны начались эксперименты по "германизации" длинноголовых, белокурых и светлоглазых польских детей. После победы Гитлер хотел произвести грандиозную перетасовку всех народов Европы, выбрав из каждого народа "полноценные" расовые элементы для создания из них единой "полноценной" германской расы. Авторы могут успокоиться: Гитлер следовал расовым принципам и был настоящим расистом.

Первым признаком нации, в глазах авторов, является расовый тип, который определяет и психический склад. Здесь налицо биологическая детерминация, которая в национал-социализме привела к таким страшным результатам. Но авторы утаили от нас критерии расового типа русских. Намерены и они измерять форму головы и определять цвет глаз? Или у них имеются другие приметы и инструменты?

Перескакивая снова от расы к нации, авторы заявляют, что в национальном государстве русские не по ложному обвинению, как это имеет место теперь, а на самом деле должны стать господствующей нацией. (Чтобы ложное обвинение стало оправданным?) Конечно, тут же заявляется, что никого русские угнетать не будут (а над кем же они будут господствовать?) И, хотя на странице 130 говорится о русских как о нации, которая должна стать господствующей, перед тем, на странице 126 говорится о равноправии наций России. Но заявляется: *"Ни один представитель какой-либо другой нации или расы никогда не будет трактоваться в России как существо второго сорта, если только он сам не даст повода к такому отношению"* (подчеркнуто нами). Вот в этом-то и вся заковыка: кто будет определять, дали представитель другого народа или расы повод к тому, чтобы его считали "существом второго сорта"? Вероятно, тоталитарная диктатура. Вот уже и создана лазейка для объявления сотен тысяч или миллионов "врагами народа" или "унтерменшами". Причем существами второго сорта могут быть, видимо, объявлены лишь не угодившие диктатуре представители других наций и рас, а не русские, себя дурно ведущие. Нет, русские, которые никогда не были расистами, с отвращением отвергнут весь этот расовый бред.

Но вот так творятся легенды о Сталине. Так пытаются не только оправдать, но даже возвеличить одного из самых кровавых диктаторов в истории. С какой целью? Готовят нам нового Сталина? Где? Все в той же несчастной России или уже в других странах?

* Главным признаком "полноценной" расы считались не светлые волосы и глаза, а форма головы. Так называемая долицефальная (продолговатая) форма головы гарантировала "высшую" расу, тогда как брахицефальная (круглая) голова характеризовала малопроцентную, так называемую "средиземноморскую" расу.

О себе: Редакция журнала "Свободное Слово" за сентябрь-октябрь 1981 г. напечатала обо мне следующее: "Когда-то регулярно посещавшая епархиальные собрания русской зарубежной Церкви, возгласившая пожилая дама — переметнулась в католичество.

Теперь она, очевидно, переметнулась еще куда-то..."

Журнал, называющий себя "Свободным Словом" — неподходящее название, — известен своими совпатриотическими склонностями и своей лживостью. Но в данной заметке по дьявольской манере ложь перемешана с кусочком правды. Кроме того, может быть, не только те, которые, возможно, поверят вышеозначенной заметке, но и другие читатели хотят узнать больше о моем вероисповедании. Для всех, кто этим интересуется, следующая краткая справка: из Советского Союза я попала в эмиграцию не будучи верующей христианкой, хотя я и признавала существование какого-то Высшего Существа. Будучи студенткой Мюнхенского университета, я искала смысла жизни и, по существу, веры. Иногда я посещала богослужения как православной, так и католической Церквей. Епархиальных собраний зарубежной Церкви я вообще никогда не посещала. Моим основным учителем, показавшим мне сущность христианства как такового, был профессор Мюнхенского университета Романо Гуардини, философ и богослов. Я присоединилась к католической — в моих глазах вселенской — Церкви в возрасте 31 года, что пожилым возрастом вряд ли можно назвать. С тех пор, почти 30 лет, я являюсь верующей христианкой и членом католической Церкви. Никаких изменений в моей вере за эти десятилетия не произошло. Мне не нужно добавлять, что я глубоко уважаю православную Церковь и истинно верующих православных христиан. Об этом свидетельствует вся моя деятельность и редактируемый мною журнал.

В. Пирожкова

Игумен Геннадий (ЭЙКАЛОВИЧ)

ЧТО ТАКОЕ ВЛАСТЬ?

На вопрос — "Что такое власть"? — люди чаще всего отвечают: "Это *тот*, кто может повелевать". В этой семантической (да и синтаксической) невыдержанности (что, кто) сказывается особенность понятия власти, ее двумодусность, ее антиномичность. Об этом свидетельствует гений языка, создавший такие пары синонимов, как *власть* и *начальство*, "эксусия" и "архи" (греч.), "потестас" и "аукторитас" (лат.) 1) Этот двуединый характер власти можно было бы выразить словами "кто — власть" и "что — власть", оттенив, таким образом, субъектную и объектную сторону понятия.

Рассмотрим несколько аспектов власти и построим самое общее ее определение.

Сперва отметим: *идею* власти, *явление* власти, *понятие* власти, *носителя* власти. Рассмотрение идеи власти — это ее метафизика; рассмотрение явлений власти — это ее феноменология; рассмотрение понятия власти — это ее ноэтика; рассмотрение *носителей* власти — это антропология и психология, взятые в нужном для нас аспекте. Отсюда четыре области, в которых выступает власть, как таковая: мир идеальный, мир тварный, мир мыслимый (или умопостигаемый) и мир прагматический.

В категориальном аспекте явление власти исчерпывается четырьмя модусами: 1) власти кого-то над кем-то; 2) власти кого-то над чем-то; 3) власти чего-то над кем-то и 4) власти чего-то над чем-то. Примеры: власть госпо-

дина над рабом, власть скульптора над мрамором, власть навязчивой идеи над маньяком. При более пристальном рассмотрении может оказаться, что границы этих четырех модусов растяжимы и расплывчаты и что в какой-то степени оправдано будет сказать, что "все подвластно ему".

Отличим также понятие власти *личной* от понятия власти *личностной*: первая является атрибутом данного лица, индивида, в силу его природенных свойств, способностей и прерогатив, связанных с его положением в обществе; вторая имеет более отвлеченный характер и относится к *субъекту* вообще. Пример личной власти: власть коменданта полиции в городе НН. Пример личностной власти: власть сознательных существ (хомо сапиенс) в отличие от власти земного притяжения.

Так как *власть* чаще всего выступает в паре с *субъектом*, посвятим немного внимания и этому термину. Мы употребляем это слово в самом широком значении *носителя* каких-либо свойств, *деятеля* каких-либо процессов, *автора* каких-либо мыслей. *Личность* — это человек, субъект по преимуществу. *Личностность* — это перевод греч. "ипостасности", м.б., с большим оттенением атрибутивного и абстрактного значения этого слова.

Греческое слово "ипостась" имеет, по крайней мере, дюжину родственных значений. Отметим в этой связи некоторую терминологическую путаницу, причинившую много бед богословию в прошлом и вносящую порой

неясность в философию и в настоящее время.

Буквальный перевод слова "ипостасис" — это *субстанция* (подставка, подоснова). В обыденном словарном употреблении же слово "субстанция" означает то, что греки выражали словами "физис", "усия", т.е. вещество, природный субстрат, материя, природа, т.е. нечто, противопоставляемое понятию "ипостасности", "ипостаси". Лишь в философии Лейбница субстанция стала означать "существо", "неизменную сущность вещей", "энтелехию", т.е. как раз нечто нематериальное — монаду, метафизический субъект, то, что в философии Н.О. Лосского называется "субстанциальным деятелем". К этому надо добавить, что слово "субъект" тоже имеет разные значения. В грамматике оно означает *подлежащее*, о котором высказывается сказуемое (предикат); в логике оно означает *того* (или *то*), о ком (или *о чем*) что-либо утверждается (или отрицается); в гносеологии субъектом называется *познающий*; в государственном праве субъект это тот, кто подлежит, подвластен правительству, т.е. *подданный*, и т.д. и т.п. (имеется еще около дюжины значений). Добавим, что человек, субъект по преимуществу, сплошь и рядом становится *объектом*: политики, исследования, преследования, угнетения и т.п., а при некоторой философской одаренности может самого себя ставить в положение объекта в процессе так наз. "трансцендентальной рефлексии" (... я мыслю себя мыслящим, пишушим и т.п.).

Но — вернемся к понятию власти. Власть можно рассматривать в следующих планах

ее объективации: 1) власти суб-человеческих субстанциальных деятелей; 2) власти человека как индивидуума; 3) власти религиозной; 4) власти мирской (секулярной); 5) власти политической; 6) власти экономической и 7) власти государственной.

Как же разобраться во всем этом разнообразии понятий власти? Что в них можно найти общего? Ниже мы предлагаем самое общее, "родовое" определение власти (ее "генус проксимум"), к которому в будущем, в каждом конкретном случае, будем прибавлять ее "дифференция специфика":

ВЛАСТЬ ЕСТЬ МОДУС АКТА, ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО ДЕЯТЕЛЬ В СОГЛАСИИ С ВОЛЕЙ ДРУГИХ ДЕЯТЕЛЕЙ, А В СЛУЧАЕ НЕСОГЛАСИЯ И ВОПРЕКИ ВОЛЕ ПОСЛЕДНИХ, ВЛИЯЕТ НА НАЛИЧИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ РЕАЛЬНОСТЕЙ ПУТЕМ УНИЧТОЖЕНИЯ ОДНИХ, СОХРАНЕНИЯ ДРУГИХ И СОЗИДАНИЯ НОВЫХ, НИЗВОДЯ ИХ ИЗ ОБЛАСТИ ВОЗМОЖНОГО В ОБЛАСТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО.

Можно еще определить власть как силу производить процессы, подпадающие под категории осуществления, сущетворения, объективации, реализации... или, совсем кратко: *власть есть условие объективации воли.*

Итак, в каждом акте различимы три элемента: *деятель, воля и власть*. Заклучим этот концептуальный эскиз несколько афористически, сказав: власть без воли — слепа, воля без власти — бессильна, а обе без деятеля — абстрактны и бесцельны.

Н. ДОРОШИН

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

Мы охотно печатаем подробное описание сопротивления казаков красным в определенном ограниченном округе. Невозможно описать так же подробно всю гражданскую войну на всех участках фронта. Но как судьба одного человека в концлагере как в капле воды отражает судьбы очень многих, так и здесь мы можем видеть и героизм, и предательство, и умелые ходы, и ошибки тех, кто пытался противостоять красным. Так же и неизмеримые страдания беженцев и отступающих.

Описано это все живо и увлекательно самим участником боев. В лице автора мы видим еще один аргумент для опубликования этого трагического повествования: автор относится к тому поколению, представителей которого почти уже нет в живых. Он был офицером еще в первую мировую войну. Мы приносим благодарность автору за то, что он предоставил нашему журналу эти интересные воспоминания.

Редакция

После февральской революции

Отречение Государя и переход власти к Временному правительству прошли в Уральске

без всяких потрясений. Еще до революции, во время войны, Уральский наказный атаман генерал Хабалов был отозван в Петербург и назначен командующим Петербургским воен-

ным округом. Нового наказного атамана не прислали, и временно должность войскового атамана исполнял уральский казак генерал В.П.Мартынов.

После февральской революции Уральское казачье войско стало управляться войсковым съездом и избранным им войсковым правительством. Генерал В.П.Мартынов вскоре по возрасту вышел в отставку, а вместо него выбрали уральского казака генерала А.К.Еремина. Спустя две недели после выборов ген. Еремин скоропостижно скончался. После него войскового атамана не выбирали, а управлялись войсковым правительством. В остальном все у казаков оставалось по-старому: все власти остались на своих местах, и жизнь текла спокойно, по-прежнему. Война продолжалась, готовились и посылались пополнения на фронт. Никаких происшествий, насилий ни в Уральске, ни в станицах не было. Только с течением времени перемены в стране стали чувствоваться и в войске, и то только в городе Уральске, где было много иногороднего населения, которое стремилось включиться во всероссийское разрушение основ прошлого. Пока это было местной проблемой, казаки с ней справлялись без особых затруднений. В этом сказалась вековая самобытность казачьего уклада жизни, совершенно отличного от жизни крестьян в соседних губерниях и вообще в России.

Между тем на германском фронте весна и лето проходили в митингах, боевой деятельности почти не было, кроме неудачных попыток Керенского двинуть армию в наступление. На фронт подвозили орудия, снаряды, снаряжение как своего производства, так и от союзников, но воевать было некому. Во всех частях вводились солдатские комитеты, офицеры замещались выборными командирами, в большинстве рядовыми солдатами-активистами. Участились случаи отказа частей выполнять распоряжения командования. Братание с немцами, дезертирство солдат с фронта домой — "делить землю!" — безудержно прогрессировали. Казачьи части являлись островами в этом бушующем море разложения фронтовых частей и часто посылались высшим командованием для наведения порядка в отдельных пехотных полках и дивизиях. Во всех уральских казачьих полках все офицеры остались на местах, комитеты занимались хозяйственно-бытовой деятельностью, дисциплина сохранялась, какая была и раньше.

Осенью дезертирство солдат с фронта, поощряемое большевистскими лозунгами о прекращении войны, разделе помещичьей и государственной земли между крестьянами и т.п., — с каждым месяцем усиливало и к началу зимы приняло стихийные размеры. Фронт фактически рухнул, так как с фронта начали

уходить даже целые части, сохранившиеся неразложившимися.

Большевикам сразу же после захвата власти 25 октября ст. ст. удалось организовать на больших станциях вооруженные отряды, которые отбирали винтовки, патроны и другое оружие у дезертиров, а также разоружали проезжающие отдельные части и команды, сохранившие при себе оружие. Так было и с нашими казачьими полками, возвращавшимися с разных мест фронта через бушующую страну домой, на Урал. Происходили стычки и форменные сражения, где полкам приходилось с боем захватывать паровозы и очищать станции от большевиков, чтобы провести эшелоны и двигаться дальше домой с оружием. Но не всем полкам это удавалось. Такой большой заградительный пункт, как Саратов, некоторым нашим полкам удалось миновать; они выгрузились из вагонов за десятки верст от него и походным порядком обошли город с севера, перешли Волгу по льду и на левом берегу, в Покровске, снова погрузились в вагоны железной дороги, чтобы добраться до Уральска. Некоторые отряды доезжали железной дорогой до Царицына или Астрахани и оттуда отправлялись степью, походным порядком, в пределы войска. К небольшому отряду ген. Толстова в Астрахани присоединились баратея оренбургских казаков с орудиями, которая шла походным порядком с ген. Толстовым до пределов войска. В Чижинской станице оренбуржцы оставили свои пушки и верхами возвратились к себе в Оренбург. Когда началась гражданская война, уральцы привезли эти орудия к себе в Уральск на вооружение своей армии. Пришли в полном составе и с оружием 1, 3, 4, 5, 8 и 9 полки, а остальные полки, гвардейская сотня и батареи пришли разоруженными. Кроме того, прибывали отдельными небольшими группами офицеры и казаки, оказавшиеся по каким-либо причинам разлученными со своими частями и отставшие. Тянулось это "возвращение" с фронта домой ноябрь, декабрь 1917 г. и начало января 1918 г.

В Уральске, где проживала основная масса иногородних, уже вскоре после февральской революции организовался краевой совет рабочих и солдатских депутатов, который проводил все время в городе митинги, но пытаться захватить власть в городе остерегался, так как в распоряжении войскового правительства находился 10-й запасный казачий полк, представлявший внушительную вооруженную силу для поддержания порядка в городе. В конце осени, после октябрьского переворота, большевики из краевого Совета открыто устраивали митинги и расклеивали по городу прокламации с призывом установить советскую власть. В городе становилось беспокойно. Войсковой съезд держался выжидательной поли-

тики по отношению к иногородним во время возвращения казаков с фронта.

В начале ноября ст. ст. казачьими офицерами была организована из юнкеров и реалистов, казаков старших классов Уральского реального училища, белая гвардия, которая стала патрулировать на улицах города по ночам и в одну из ночей, в конце ноября, напала на большевистскую военную команду совета, обезоружила ее и арестовала многих членов совета. Но оставшийся "подпольный" совет рабочих и солдатских депутатов, воспользовавшись "нейтральным" настроением многих казаков-фронтвиков, утомленных войной и стремившихся уехать из города по своим станицам, и тем, что запасный полк стал разъезжаться с фронтовиками по домам, — возобновил свою деятельность. Опять стало в городе беспокойно, опять появились на стенах прокламации. Вооруженные патрули белой гвардии продолжали обходить улицы города по ночам, следя за порядком, отбирая оружие у отдельных лиц, главным образом, у иногородних. Бывали по ночам стычки со стрельбой и жертвами с обеих сторон, но порядок поддерживался. В это время, на Рождество, по распоряжению войск правительства, ночью были выпущены на винокуренном заводе спирт и водка из цистерн в подвалы и на землю, в канаву. Население "учуяло" запах спирта. Сбегались с ведрами и разной посудой и черпали из канав и подвалов спирт. Не обошлось без опившихся насмерть, но беспорядков не допустили. Так же и пиво, находившееся на складах пивного завода в бочках, было роздано населению в принесенную посуду бесплатно, под наблюдением белой гвардии. Несмотря на принятые меры, в городе чувствовалось двоевластие. В начале января был созван войсковой съезд — 66 депутатов от станиц. Было избрано новое войсковое правительство: председатель Г.М.Фомичев, агроном, тов. председателя Ф.Л.Еремин, врач, член государственной думы, и генерал В.И.Акутин. Стало очевидным, что казачье население не сочувствовало большевистской пропаганде и не разделяло их идей. Казакам чужой земли было не нужно — была своя в их распоряжении. Казаки занимались земледелием, скотоводством и рыболовством, за счет чего и жили. Классовой розни у казаков не было — все были равны по правам. Были среди казаков, конечно, бедные и богатые, но большинство жило зажиточно.

Сочувствующие большевикам были, но единицы, никакого значения они среди казаков не имели и примыкали к иногородним. После разъезда казаков-фронтвиков домой, по станицам, большевики, судя по листовкам, явно готовились после нового года к выступлению в городе. Население города Уральска состояло на две трети из иногородних (не ка-

заков). Из них состоял весь рабочий класс города, занятый на разных предприятиях. Было несколько паровых мельниц и просорушек, лакричный завод, большой убойно-холодильный комбинат, несколько кожевенных и шубных заводов по переработке кож забитого на бойне скота, пимокатный завод, мыловаренный, клеевой и несколько других, в том числе механический завод по обслуживанию ремонтом всех машин указанных предприятий. Затем большое железнодорожное депо конечной станции Уральск Рязано-Уральской железной дороги и ее мастерские. Вся торговля провозилась иногородними. Служилая интеллигенция в учебных заведениях и в администрации, кроме казачьих управлений, состояла из иногородних. Весь обслуживающий персонал во всех заведениях, учреждениях, в торговле и у частных лиц состоял из иногородних.

Рабочая масса и часть интеллигенции и обслуживающего персонала, в основном, являлись сторонниками большевизма. У войскового правительства к этому времени (конец января 1918 г.) не оказалось организованной военной силы: казаки-фронтвики разъехались по своим станицам, в том числе и запасный 10 полк, городские жители-казаки были заняты своими хозяйственными делами.

В начале февраля генерал М.Ф.Мартынов, с одобрения войскового съезда, организовал офицерский отряд и в одну из ночей начала февраля арестовал почти всех активных членов большевистского подполья и посадил их в городскую тюрьму. После этого в Уральске стало спокойно. Но вскоре из Саратова от тамошнего комиссара Антонова стали поступать требования войсковому правительству — освободить арестованных членов большевистского совета и признать советскую власть. Войсковое правительство вело с Саратовом переговоры, затягивая их для выигрыша времени, и не освобождало арестованных. Одновременно войсковое правительство мобилизовало молодых казаков призыва 1918—19 годов и сформировало из них 3 учебных конных полка. Офицерского состава с опытом войны было достаточно.

В начале марта из Оренбурга советский комиссар Цвиллинг прислал телеграмму войсковому правительству с ультиматумом — принять советскую власть! Войсковое правительство ответило отказом.

Борьба Уральского войска против большевиков

Утром в субботу 10 марта 1918 года старое стили в Илецкую станицу Илек пришел неожиданно отряд красной гвардии из Оренбурга, около 800 человек пехоты, полсотни конницы при трех пулеметах и с запасом оружия

для возможных добровольцев. Отряд расположился в городке и выставил патрули по окрестностям. После полудня комиссар отряда приказал собрать станичный сход, который и собрался на станичной площади. Комиссар, окруженный вооруженными красногвардейцами, предъявил свои требования казакам:

1. Принять советскую власть.
2. Сдать все оружие.
3. Заплатить контрибуцию 3 миллиона рублей.

Казаки заявили, что у них есть своя власть — войсковой съезд — к нему и надо обращаться. Если съезд примет советскую власть, то и мы примем. Оружия у казаков нет: все сдали при демобилизации. Платить контрибуцию они не будут. Так сход ничем и не кончился, несмотря на всяческие угрозы комиссара. Тогда комиссар распустил сход.

В ночь на воскресенье казаки тайно собрались и выбрали Комитет обороны, который пригласил проживавшего в Илеке после демобилизации полковника Балалаева руководить восстанием. В воскресенье, 11 марта, утром, были посланы гонцы в соседние станицы с просьбой о помощи: требовалось обложить Илек со стороны Урала и по набату в станице его атаковать. Кроме того, Комитет обороны вынес постановление: предъявить комиссару ультиматум — покинуть Илецкую станицу к 12 часам дня во вторник, 13 марта. Ультиматум был вручен комиссару утром, в понедельник, 12 марта, но комиссар ответа не дал. Как после выяснилось, он ожидал подкреплений.

В эти дни красные произвели несколько арестов среди казаков за нежелание платить контрибуцию. Потом они арестовали нескольких офицеров и держали их под охраной в своем штабе, занимавшем здание клуба. Начались обыски, поиски оружия у казаков, реквизировали коней, седла, шашки. Был застрелен сотник Юткин за попытку побега от арестованного его конвоя.

Комитет обороны при участии полковника Балалаева выработал план действий. Утром 13 марта казаки Студеновской и других станиц обложили Илек со стороны Урала. В полдень в Илеке раздался набат, и казаки по льду повели атаку на Илек, главным образом на Челышевскую мельницу, где была сосредоточена главная часть пехоты красных. В городе все посты красных были сняты илецкими казаками, а клуб — штаб отряда — был взят приступом. Казаки ворвались в помещение клуба, перебили всю охрану, освободили арестованных. Среди убитых был и красный комиссар Чукан. Пехота красных, выбитая студеновскими казаками из Челышевской мельницы, отступала по улицам Илека к своему штабу в клубе, не зная, что клуб уже занят казаками. Гонимые наступающими студеновцами,

красные искали укрытия в казачьих дворах, но там их встречали с шашками, вилами и топорами. К 6 часам вечера все было кончено, ускользнуть удалось только нескольким конным — по дороге в Оренбург. После боя было выловлено несколько беглецов, прятавшихся по дворам, — эти только и были пленные. Послан был гонец на перекладных в Уральск с донесением о случившемся. По получении сообщения казаки Уральской станицы отслужили молебен у старого собора и принесли присягу на верность войску.

Войсковой съезд отправил гонцов во все станицы с извещением о событиях в Илеке. Из станиц получались постановления о верности войску. Выяснился недостаток в войске оружия и боеприпасов. Войсковая оружейная мастерская начала отливать бронзовые пули и заряжать стреляные патроны охотничьим порохом. Командирован был артиллерист, офицер Н.А.Дорошин, с командой казаков и верблюжьим обозом на санях в поселок Чижицкий за пушками, оставленными Оренбургской батареей. По последнему снегу на санях были доставлены в Уральск 4 полевых орудия с зарядными ящиками и небольшим количеством к ним снарядов.

В конце марта илецкие казаки и казаки из соседних станиц под командой полковника Балалаева атаковали ближнюю к Илеку железнодорожную станцию Новосергиевку на линии Самара — Оренбург — Ташкент, находившуюся за пределами земель войска. Они заняли эту станцию после боя с красным отрядом. Там был захвачен районный склад оружия и боеприпасов красных.

1-го апреля 1918 года вновь созданный войсковой съезд объявил всеобщую мобилизацию казаков до 55 лет, старшие приглашались как добровольцы. Каждая станица должна была сформировать дружину под командой офицера. В каждой станице, хуторе, форпосте были организованы комитеты обороны, на обязанности которых лежало все снабжение сформированных дружин, организация транспорта, охрана и первая оборона селения.

Ввиду невозможности держать военные части по всей границе войска были сформированы ударные группы-кулаки из дружин на направлениях: Уральск — Саратов, Уральск — Бузулук, Илек — Новосергиевка, Сламихинская — Александров Гай, Гурьев — Богатинские нефтяные промыслы.

Вначале дружины оставались дома и выступали на свой фронт по тревоге. Сторожевую службу несли 3 учебных конных полка. В марте восстали против большевиков оренбургские казаки и соединились с отрядом полковника Балалаева. Войсковой съезд послал туда в начале апреля генерала Л.В.Загребина (илецкого казака) для командования двумя объеди-

ненными силами в этом районе. Он освободил общими силами уральских и оренбургских казаков город Оренбург (около 100 верст от Новосергиевки) от красных.

В это время казаки совместными силами двинулись по железной дороге на Самару. Самару в это время заняли чехословаки, которые наступали по железной дороге на восток. В городе Бузулуке красные были зажаты с запада чехами, а с востока казаками и были разбиты. Чехами был также занят Иващенковский военный завод в 40 верстах на юг от Самары. В Самаре возник Комитет учредительного собрания и организовывалась добровольческая народная армия.

Уральцы не замедлили войти в сношения с чехословаками и Комитетом учредительного собрания, так как нужно было сговориться о совместных действиях и добиться получения оружия и боеприпасов, попавших в Самаре, Казани и других городах в руки чехословаков и Комитета.

Чехословацкие и русские добровольческие отряды Комитета действовали на Волге под Казанью, Симбирском и Сызранью. Оренбуржцы наступали вдоль Ташкентской железной дороги на Туркестан и совместно с башкирскими частями помогали чехам и доброволь-

цам теснить красных за Волгу и Каму. Уральцы образовали самостоятельный фронт в сторону Саратова.

10 апреля 1918 года красные со стороны Саратова перешли "грань" (границу войска) и повели наступление по линии железной дороги на Уральск. Навстречу им были брошены учебные полки, объявлена тревога для дружин. Красные были разбиты и отогнаны за "грань", но дальше казаки не пошли. Показали: не троньте нас, и мы вас не тронем. Такое заблуждение было у казаков в начале гражданской войны. После неудачной атаки красных на Уральск со стороны Саратова в апреле крупных операций до середины июня не было. Местами красные заходили за "грань" к казакам небольшими силами — их прогоняли или уничтожали. В казачьих частях, вследствие подвижности конницы, применялась тактика окружения и внезапных нападений, обычно на заре. При небольших потерях захватывались у красных вооружение и боеприпасы, в которых казаки нуждались. В конце мая был командирован генерал М.Ф.Мартынов с отрядом казаков и большим обозом на Иващенковский завод, около Самары, чтобы привезти оружие и патроны для казачьей армии.

(Окончание следует)

Е.КАРМАЗИН

ОБ ОЧЕРКАХ СОКИРКО-БУРЖУАДЕМОВА

В 1974 году в издательстве А. Нейманиса в Мюнхене вышла книга самиздатского автора под псевдонимом К.Буржуадемов с несколько непонятным заглавием "Очерки растущей идеологии" и с подзаголовком "Антигэлбрейт" (критика книги американского профессора Гэлбрейта "Новое индустриальное общество").

Речь, впрочем, шла то ли об антимарксистской, то ли о неомарксистской экономической теории капитализма, социализма и грядущего истинного коммунизма.

Читательского интереса книга не вызвала из-за стойкой антипатии русского читателя к теориям вообще и марксовидным в особенности. Но среди людей осведомленных начались весьма положительные ссылки на эту книгу. Так, В.Турчин отметил, что *"пагубное влияние трудовой теории стоимости на теорию и практику ценообразования в СССР хорошо разобрано в книге К.Буржуадемова "Очерки растущей идеологии"*. (В.Турчин, "Инерция страха", "Хроника", 1977, стр. 210). Е.Брейтбарт, со своей стороны, указала, что существует *"совсем не тривиальная работа под псевдонимом К.Буржуадемов "Очерки растущей идеологии", полностью построенная на широкодоступных изданиях классиков марксизма-ленинизма... Только эти 3 книги, во всяком случае из написанных по-русски, можно считать дей-*

Посвящается памяти моих учителей по экономике — М.З.Гальперина и Л.Б.Розовского.

ствительно серьезными, но подспудный юмор (или научный юмор) — завидное отличие книги Буржуадемова от работ Шафаревича и Турчина". ("Грани" № 108, стр. 265—278). Хотя ссылка на Шафаревича, на мой взгляд, идет не в пользу Буржуадемову, поскольку книга Шафаревича носит не научный, а идеологический характер (как и марксизм, против которого она направлена), обсудить идеи Буржуадемова в печати все равно не представлялось возможным из-за псевдонимности последнего.

Затем произошло следующее. 10.4.80 г. "Русская мысль" сообщила, что К.Буржуадемов — это В.Сокирко, один из редакторов журнала "Поиски", арестованный в январе 1980 г. Популярность книги в связи с этим возросла, так что в ходе Мадридского совещания представители НТС распространили среди политиков и дипломатов три документа... Второй — по экономическим вопросам (вторая корзина), составленный на основании материалов чешского экономиста А.Русинова и самиздатской работы В.Сокирко ("Посев" № 3, 1981, стр. 22).

В Москве тем временем события шли своим чередом, хотя и необычным, но уже несколько привычным: вслед за З.Гамсахурдиа, о.Д.Дудко, Л.Регельсоном и В.Капитанчуком раскаялся и В.Сокирко, в связи с чем он был осужден условно и освобожден из-под стражи (Р.М. 9.10.80).

Далее В.Сокирко* написал заявление для печати, где объяснял, что раскаялся совершенно добровольно, а член московской Хельсинской группы адвокат С.Каллистратова задавала ряд недоуменных вопросов, в частности, является ли арест и карцер "давлением" или нет. ("Русская мысль" от 21.5.81 г.).

По поводу этого в печати выступили также бывший редактор "Поисков" Ю.Абовин-Егидес и С.Пирогов, давшие критические, хотя и несколько различные оценки случившемуся (Р.М. 11.6.81). После всего этого появилась объективная возможность заинтересовать читателя разбором книги К.Буржуадемова, не опасаясь повредить автору В.Сокирко.

Следует, однако, сказать, что тем временем в "Посеве" появлялись статьи В.Сокирко. Одна из них "Экономика 1990 года: что нас ждет и есть ли выход?" ("Посев" № 1, 1981 г.) в очередной раз пророчит гибель советской власти — на этот раз в 1990 году, если не будет осуществлен поворот к рыночному социализму, ленинскому НЭПу.

Такие предсказания сыплются в последнее время, как из рога изобилия (И. Бирман в "Континенте" № 28, Л. Тыкоцкий во "Времени и мы" № 59), и они, как и предыдущие, уже несколько надоели. Поэтому не было бы смысла упоминать здесь об этом, если бы не случайное обстоятельство: размахивая дамочным мечом перед советской экономикой, В.Сокирко неожиданно показал свою полную неосведомленность в некоторых элементарных вопросах. Поэтому до рассмотрения книги есть смысл разобраться в них.

Обсуждая постановление от 12.7.79 г. "О совершенствовании хозяйственного механизма", В.Сокирко пишет: *"Провозглашается перевод хозяйства на показатель чистой продукции"* — как главный показатель работы. Однако это неосуществимо в условиях планового хозяйства. Ведь балансировать сверху можно только вал, материальные потоки, а не чистую продукцию. С некоторым смущением я должен разъяснять В.Сокирко (и утомлять этим читателя), что чистая продукция — это цена за вычетом стоимости материалов. Если можно планировать вал (количество продукции, умноженное на полную цену), то почему нельзя точно так же планировать чистую продукцию (коли-

чество продукции, умноженное на цену обработки)? Планирование же "материальных потоков", т.е. продукции в натуральном выражении, сохраняется в обычных случаях. И при чем вообще вал к материальным потокам? Ведь вал, по определению, это **стоимость** продукции, а не ее материальное выражение.

В другом месте В.Сокирко указывает: *"Экономическая реформа 1965 г. была неосуществима в самой своей идее: дать хозяйству в качестве экономического стимула — прибыль, и в то же время не легализовать рынок. Хозяйство обрекали на хаос, оставляя его даже без грубой госплановской балансировки (по общественным позициям)"*. Тут тоже самая грубая ошибка: по реформе 1965 года главным экономическим показателем была **реализация** (т.е. проданный вал), так что "госплановская балансировка" полностью сохранялась, а "обобщенные позиции" — т.е. натуральные измерители — сохранялись тем более. Как мог такой "хаос" произойти в голове у В.Сокирко, для меня совершенно непостижимо.

В связи с этим у меня возникла некоторая гипотеза по поводу раскаяния В.Сокирко. Если ему на следствии показали эти (и быть может, другие) его ошибки, то его уверенность в своей правоте по принципиальным вопросам не могла не поколебаться. Отсюда следует сомнительность нашей практики по отношению к заявлениям, сделанным по ту сторону занавеса и кажущимся нам ошибочными: мы, обычно, молчим, чтобы не повредить, а может быть, наше молчание вредит больше?

Перейдем, однако, к разбору самой книги Буржуадемова. Должен сознаться, что мы (я и, вероятно, мой читатель) после всего вышесказанного несколько сомневаемся в компетентности автора, но все же постараемся вполне добросовестно, в меру возможностей, оценить предлагаемую нам теорию. Книга состоит из пяти частей-очерков. Две первые обсуждают различные стороны капитализма, третья рассматривает советскую экономику, четвертая изучает перспективы различных идеологий в советском обществе, а пятая обсуждает устройство будущего кибернетического коммунизма.

Из этих очерков капитализм я рассматривать не буду: мы в нем живем и, дай Бог, чтоб не было хуже. Коммунизм я тоже обсуждать не стану — пусть в нем разбираются кибернетические потомки, а развитие разных идей в СССР гораздо интереснее читать в полемике существующих эмигрантских журналов. Таким образом, мы постараемся разобрать центральную и наиболее важную часть — действующую экономику СССР.

Но прежде всего следует сказать, что в пропущенных нами частях содержатся сделанные

* В.Сокирко выступил, кроме того, на страницах журнала "Посев" с восхвалением неосталинизма. (Прим. ред.)

мимоходом сомнительные, неверные и вовсе опасные заявления. Вот, например, автор пишет: *"Зачастую люди не могут выйти из состава преступлений организации или преступного народа. И потом в конце концов будут расплачиваться"* (стр. 67). Если о преступной организации это верно, то слова о "преступном народе" — невероятны после всего, к чему привели такие теории в недавнем прошлом. Быть может, автор хотел сказать "преступный режим"? Но тогда это доказывает крайне опасную для теоретика небрежность в высказываниях. Ведь если обратиться "Очерки" в новый "Капитал", то новый Сталин сотворит на этом базисе весьма кровавую надстройку.

В другом месте автор замечает: *"Только рабовладельческие штаты Америки и в какой-то мере расистское общество Южной Африки могут нам живо напомнить рабство"* (стр. 241). Однако в Южной Африке, хотя и существует апартеид, но рабства там никогда не было. Тут тоже В.Сокирко смаху обвиняет целую страну. Вот еще одно утверждение автора: *"Хрущева снял в основном партийный аппарат, боявшийся слишком быстрой десталинизации. Можно сказать, что в частности этот переворот носил реакционный характер, хотя в целом — способствовал демократизации и обуржуазиванию всего правящего класса"* (стр. 178).

Но за прошедшие 17 лет обратился вспять процесс десталинизации, цензура стала гораздо свирепее, жилья строится значительно меньше, повышение зарплаты (тарифные реформы) происходит вдвое или втрое реже, пенсии не повышались уже 25 лет и т.д. Так что тут автору следовало бы сказать наоборот: в целом этот переворот носил реакционный характер, хотя, в частности, соответствовал интересам правящего класса. Приведем еще одно сомнительное замечание автора: *"Чем больше ушла сегодня страна от феодального великолетия в трезвую работу накопления и промышленного роста, тем меньшей популярностью пользуется компартия"* (стр. 243).

Вероятно, пример французской и итальянской компартий может доказать что угодно, кроме "феодального великолетия". А вот еще одна ошибка автора. Рассматривая известную марксистскую формулу товара $T = C + V + P$, автор определяет C как "основной капитал, затраченный на машины" (стр. 18), забывая, что в состав C входят также материалы для изготовления товара, которые у В.Сокирко просто исчезают (V — это зарплата, а P — прибыль).

Перейдем все же к основной части книги. Прежде всего, вынужден сказать, что метод изучения советской экономики у В.Сокирко принципиально неверен. *"Треступная теперь к описанию социалистической практики распределения и планирования, я буду ссылаться главным образом на труды академика Струми-*

лина, — пишет автор. — Струмили́н — типичный представитель советской экономической науки... Слова Струмили́на выражают голую правду практики социалистического плана" (стр. 107–108). Однако "советская экономическая наука" — это псевдонаука. В сущности, это признает и сам В.Сокирко: *"Представители умертвившей марксистской политэкономии не то что доводят мысли Маркса до абсурда, но подсовывают ему свой абсурд, пытаются абстракциями заменить новое и реальное тело"* (стр. 120). По этой причине слова Струмили́на не выражают ни голой правды, ни даже ее поднобья, а представляют собой голое марксистское начетничество.

Удивительно, что В.Сокирко этого не заметил. Обсуждая в одной из глав своей книги состояние технического прогресса в СССР, он правильно ссылается на журнал Комитета по изобретениям, а не на досужие рассуждения — и это самые интересные страницы книги. А сообразить, что для обсуждения экономической практики надо использовать, скажем, журнал Комитета цен "Вопросы ценообразования", инструкции по составлению оптовых цен, директивные указания по отчетности и планированию, "Экономическую газету", наконец, автор не смог. Поэтому из дальнейшего обсуждения я выброшу все мнения Струмили́на и попытаюсь понять рассуждения самого В.Сокирко.

Рассматриваемый нами очерк назван автором "О распределении. О ценообразовании. О планировании". По мнению автора, такие функции выполняет рынок в капиталистических странах. Это совершенно правильно. В социалистических странах эти функции разделены, полагает автор, и их выполняет соответственно Госснаб, Госкомитет цен и Госплан. Это верно только частично. Распределение материалов между предприятиями действительно выполняет Госснаб, но распределение товаров среди населения производит рынок (другой вопрос, что на этом рынке всегда дефицит). Не поняв этого элементарного факта, автор не смог описать и процесс распределения при социализме. Соответствующую главу он назвал "Принудительно-плановое распределение", но таковым можно считать только карточную систему. За отсутствием реальных фактов рассуждения автора приняли невнятный характер: *"Наши планирующие и распределяющие органы руководствуются интуитивно угаданными тенденциями рыночного распределения и лишь в общих цифрах они следуют 'свободной' воле ЦК"* (стр. 96). Что за распределитель? Какие распределяющие органы?..

Переходя к работе Комитета цен, автор, прежде всего, не делает разграничения между розничными и оптовыми ценами. Первые носят политический характер и влияют на рынок,

вторые имеют экономический характер и используются в производстве. Автор не понял ни тех, ни других цен и поэтому совершенно запутал весь вопрос: *"Принципиальная схема такого ценообразования очень проста. Составляется примерная калькуляция себестоимости товара (сумма затрат на амортизацию оборудования, материалы и зарплату), и к ней приплюсовывается налог с оборота (в пользу государства) и собственная прибыль предприятия — в определенном, заранее установленном процентном отношении. Однако на деле все не так просто, как в части того, какую именно среднюю себестоимость взять за основу (ведь на каждом предприятии она разная), так и в том, какую именно заложить прибыль и налог. Это все — предмет высокой политики"* (стр. 114).

Прежде всего, налог с оборота не входит в оптовую цену, а только в розничную, и поэтому он действительно предмет высокой политики. Прибыль же устанавливается стандартная по отрасли или по всей промышленности — с учетом, чтобы она покрыла предстоящие из нее расходы. Что касается отыскания средней себестоимости, то любому экономисту известно, что принимается среднеотраслевая. Итак, схема действительно очень проста: составляется точная (а не примерная) калькуляция; Комитет цен, получив таковые со всех предприятий-изготовителей, определяет средне-взвешенную себестоимость (с учетом размеров выпуска на каждом предприятии) и прибавляет установленную прибыль (обычно 15–20%).

Почему-то В.Сокирко не в силах понять этой простой и ясной системы и ударяется поэтому в типичную марксистскую демагогию: *"Вот вкратце и вся работа Комитета цен. Никаких других методов научных расчетов и подробных сравнений в масштабах страны, никаких потоков информации, хоть немного способных заменить рыночный механизм — нет!"* (стр. 115). Пожалуй, работники Комитета цен, имеющие, как мы указали, все эти цифры и весьма просто с ними оперирующие, скажали бы и какого рожна ему еще нужно?

В.Сокирко кажется, что *"роль Комитета цен сводится к тому, чтобы ощутно отыскать эквивалентность продуктов, угадать их правильную стоимость"* (стр. 118). Можно сказать, что, утонув в марксистских абстракциях, автор смотрит в телескоп на соседнее дерево и, естественно, ему приходится двигаться "ощупью и угадкой". В тот же телескоп глядя, автор изобрел и следующую идею: *"Комитет цен действительно является неким захудалым, несовершенным, но все же регулирующим наше производство маленьким рынком"* (стр.119). Вот уж — чего нет, того нет! Цены не регулируют производство в СССР, это делает только

план, а цены служат для всех необходимых расчетов.

Иногда В.Сокирко кричит "караул" совершенно без всякого повода. Узнав, что средства производства были убыточны "примерно вдвое", автор поднимает невероятный шум: *"Следует только вздохнуть в 'простые эти строки'"*! Они означают недопотребление в 2 раза необходимых вещей, означают в 2 раза более низкий уровень жизни. Одновременно это означает, что необходимые себе продукты население получает какими-то другими неофициальными путями, т.е. означает прямой стимул к воровству и ведению натурального хозяйства. С другой стороны, это означает увеличенную в два раза бесхозяйственность, ломку дорогих на деле машин, их плохое использование, раскулачивание на запчасти и т.д. Плюс к тому же — хроническая убыточность машиностроительных предприятий, их зависимость от государственных дотаций" (стр. 113).

Хочется сказать: успокойтесь, уважаемый автор! В СССР нет мяса, не хватает хлеба, дорожи одеждой и обувью — но это все не потому, что цены на какие-то там средства производства чему-то не соответствуют. Нет хлеба и мяса — из-за раскулачивания, только не машин, а крестьян в "год великого перелома"; "прямой стимул к воровству" могут давать лишь цены на ширпотреб, а не на марксоидные категории; ломка машин происходит из-за отсталости технологии их изготовления, плохого обслуживания и отсутствия запчастей, а не из-за телескопных открытий.

Однако меня удивляет даже не удар автора не в те ворота, а то, что В.Сокирко ухитрился не заметить приведенную им самим цитату из статьи председателя Комитета цен, которая начисто опровергает все исходные данные автора: *"Реформа оптовых цен в 1966–67 гг. ликвидировала убыточность угольной, железнорудной и других отраслей промышленности. В некоторых отраслях машиностроения случился явно завышенный уровень рентабельности"* (стр.117). Итак, нет убыточности средств производства, нет убытков в машиностроении и нет знаний у автора. Есть — слова!

Далее, автор, ссылаясь на ту же статью, пишет: *"Своеволие и разбой местных предприятий, которые умудряются выполнять планы по прибыли за счет простого и самовольного повышения цены на свою продукцию. Оказываются, такие вещи практикуются довольно часто и легко сходят с рук"* (стр.118). С таким же успехом автор мог бы, зайдя в зал суда, сказать, что "разбой на дорогах практикуется довольно часто"...

Разумеется, есть случаи нарушения цен поставщиками (однако это отнюдь не "просто"), но это рассматривается как приписка, т.е. криминал. Проводятся систематические ревизии

цен, выявленные завышения снимаются с отчетов о выполнении плана, выплаченные премии взыскиваются обратно, а виновники, кроме того, привлекаются к ответственности.

По поводу требования Комитета цен к Госплану — разработать систему учета изменений цен в планах промышленности, автор со смехом восклицает: *"Бедный Госплан!"* (стр.118). Смех, вероятно, означает презрение автора к данной проблеме или его уверенность, что никакая система тут не поможет. Методика такая, однако, разработана и играет важную роль. Дело в том, что Комитет цен, установив завышенность цены, не может ее снизить без изменения плана, а Госплан не может беспрепятственно вносить такие изменения. Вопрос этот решился тем, что предприятие получает от заказчика оплату по старой цене, но снимает разницу со своей прибыли и вносит в бюджет (фиксированные платежи). Так что напрасно В.Сокирко смеется над "убогой и разбойной практикой" (стр. 118).

Затем автор переходит к планированию последней части своей триады. Но поскольку с работой Госплана и министерств В.Сокирко вовсе не знаком, он ограничивается единственным критическим замечанием: *"Можно ли предвидеть точно потребности научно-исследовательских институтов и любых других предприятий в условиях научно-технической революции?"* (стр. 128).

Но научные институты — это не производство, их следует снабжать из резерва; а "другие предприятия" в СССР, как известно, вполне справляются с предвидением на год вперед.

Кроме того, автор заявляет, что *"на практике все заявки потребителей составляются с предельным запасом по всем позициям, так же как планы производства поставщиков составляются на минимум возможного. Ведь за лишнюю трату запланированных продуктов бить никто не будет. Между прочим, вот одна из главных причин постоянного торгового голода в стране"* (стр. 128). Все это совершенно неверно. Автор даже не подозревает о существовании норм расхода материалов, которые не дают возможности давать заявки с "предельным запасом", и лимитов по себестоимости, которые очень больно "бьют" за всякую "лишнюю" трату.

Настоящих фактов у автора нет, и он ссылается на то, что в банно-прачечном тресте неправильно дают заявки на инженеров! (стр. 128). Должен сказать, что я был бы очень удивлен, если бы в банно-прачечных трестах было техническое планирование высшего класса; не говоря уж о том, что к производству все эти рассуждения не имеют ни малейшего отношения.

По поводу же причин товарного голода, то, например, проф. Р.Пайпс весьма просто их

определил: *"Что же касается низкого уровня жизни, то разве не очевидно, что когда страна с огромным экономическим потенциалом не способна удовлетворить нужды своих граждан, то разгадку этого следует искать не в "просчетах" планирования, а в намеренном, сознательном и последовательном отвлечении ресурсов на иные цели?"* (журнал "22", № 16, стр. 159).

Или еще проще: *Зато мы делаем ракеты,
Перекрываем Енисей,
и даже в области балета
мы впереди планеты всей...*

Странной представляется склонность автора избегать очевидной простоты и стремиться к многотажным объяснениям. Вероятно, это происходит от марксистской методологии. Как заметила Ирина Сабурова, *"прямого ответа ни один уважающий себя марксист дать не может: самая простая вещь должна быть разжевана по всем правилам диалектики до тех пор, пока не будет перевернута вверх ногами, и от ее первоначальной сути не останется ничего, а будет доказано совершенно обратное, вопреки элементарному здравому смыслу и всем божественным и человеческим законам"* ("О нас", Мюнхен, 1972, стр. 179).

Свой очерк о социализме автор заканчивает главой "Перспективы НЭПа". Он считает, что только НЭП *"сможет стать действительным поворотом России к демократии, тем поворотом, который не могли осуществить ни царь, ни Бог и ни герой"* (стр. 145). Такие взгляды в последнее время довольно широко распространены, хотя проблема эта весьма сомнительна.

Как справедливо заметил А.П.Федосеев, говоря о трудностях поворота экономики социализма: *"Это значило бы разрушить созданную с такими колоссальными жертвами государственную структуру обобществленного народного хозяйства и ввергнуть страну в бездну полной анархии и произвола. Едва ли кто может себе ясно представить, как разобществить огромное хозяйство: войти в социализм много проще, чем выйти из него"* ("Русская мысль" 21.8.80 г.).

Но что такое НЭП, по мнению В.Сокирко? Он считает, что это — *"рыночный социализм"* или *"рынок, свобода частной инициативы, культура хозяйства и воспитание капиталистической деловитости и рационализма"* (стр.144). Тоже не очень ясно.

Как известно, рынок и свобода частной инициативы при НЭПе были разрешены только в "мелкотоварном хозяйстве", а "культура и воспитание" — вещи не вполне определенные. В другом месте В.Сокирко пишет, что *"Ленин дал стране золотой рубль и обычных капиталистов — нэпманов"* (стр. 73). Вот это уже неверно.

Нэпман — это не капиталист. В предисловии к данной книге приводится удачное определение капиталиста, взятое у Солженицына. Рассуждая об "эксплуататоре", один из героев "Августа четырнадцатого" говорит: *"Мне не передать вам, какие там вложены ум, образование, предусмотрительность, опыт, организация. Это все вместе, знаете почему стоит? — девяносто процентов будущей прибыли"* (стр.6).

Нэпман же — это мелкий жулик. Зажатый в невозможные рамки враждебным и бесчестным государством, он может лишь крутиться, нарушая неумолимые законы и суя взятки, добывая подпольные материалы и ежеминутно ожидая разорения или тюрьмы ("снимать угар с НЭПа"). Вот почему нэпманами не смогли стать бывшие капиталисты, а стали люди другого склада, сгинувшие в свой черед вместе с крестьянами.

Кроме того, в крупной и тяжелой промышленности нэпманов не было — она осталась государственной, однако тоже была в кратчайший срок восстановлена от полной разрухи до дореволюционного уровня. Для этого к красным директорам были приставлены спец-инженеры — они-то и вытащили все дело. При желании это можно назвать "воспитанием капиталистической деловитости", но рыночным хозяйством здесь и не пахнет. Можно сослаться также на пример Израиля, где уже 30 лет существует НЭП, но господство социалистической партии сохранилось даже после ее поражения на парламентских выборах: ее власть над нэпманами, чиновниками, профсоюзами, кооперативами, киббуцами и социалистической промышленностью — право-либеральное правительство поколебать не в силах.

Помню (когда я жил в Израиле), как в мучительных попытках понять израильскую действительность, этот кажущийся иррациональный мир, меня вдруг осенило — да это же социалистический НЭП! И с какой радостью я прочитал вскоре в газете Ликуда статью Бориса Капсе: "НЭП по-израильски" ("Неделя" 5.6.74).

Так что, пожалуй, прав был А. Пятигорский, заметивший как-то невзначай: *"НЭП*

явился не только и не столько временной уступкой временным обстоятельствам, но и — объективно — подготовкой к созданию новой государственной системы. Системы, на самом деле явившейся синтезом прежней имперской бюрократии с новой советской партократией" ("Континент" № 23, стр. 228). Примерно так же описывает мнение Ленина о НЭПе Б. Бажанов: *"Чтобы партия не потеряла веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней некоторое временное отступление. Между тем это вопрос десятилетий и поколений"* ("Воспоминания бывшего секретаря Сталина", Париж, 1980 г. стр. 116–117).

В заключение могу сказать следующее. Автор — безусловно талантливый человек, но пошел неверным путем. *"По обыкновению копаясь в Марксе на предмет авторитетного подтверждения своей точки зрения"*, — пишет он (стр. 3)... Вот в этом вся беда. Автор привел 40 или 50 цитат из Маркса, Энгельса, Ленина и Струмилина. Если бы вместо этого он нашел 50 цитат из экономических инструкций, то достиг бы лучших результатов.

Странная вещь. Чтобы изучить современное положение прав человека в СССР, диссиденты пошли долгой и опасной дорогой. Самиздат, встречи с иностранными корреспондентами, крушение карьеры, обыски, петиции, демонстрации, тюрьмы, лагеря и психушки. Вехи на той дороге обозначали 3, 7, 10, 15 лет, да еще 5 "по рогам" (ссылка). И только пройдя этот тяжелый и трагический путь, они смогли рассказать России и миру истину об исследованной ими области.

Изучение системы экономического руководства предприятиями не требует таких жертв. Необходимо поступить экономистом на завод и 3, 5, 7, 10, 15 лет работать, постигая неповторимую действительность и меняющиеся инструкции. Вероятно, это показалось нашему автору скучным, и он предпочел научный экономический институт и копание в цитатах. Но стоит предупредить всех желающих, что это — бесплодный путь, дорога — ведущая в никуда.

Д.ШТУРМАН

УРОКИ В ПУСТОМ КЛАССЕ¹

Опасные делишки — писать в России книжки. ... Ты, Лева, тиснул зря "Уроки Октября".

Из эсеровской лагерной песенки о Троцком (1924–1928 гг.)

Фигура Троцкого, предстающая перед нами в его изданных сочинениях, в известном смыс-

ле парадоксальна. В его весьма многословном печатно-речевом наследии присутствует зачастую удивительная — до цинизма, граничащего с наивностью, — откровенность. И одновременно в них явственно ощущается столь знакомая каждому подсоветскому человеку фальшь партийных мнимо теоретических штампов и

партийной политической фразеологии. Это противоречие объяснимо. Троцкий — приверженец глубочайше беспомощной схемы перманентной мировой *пролетарской* революции. Он исповедует эту схему неукоснительно, с патологическим безразличием к ее наглядному расхождению с действительностью. Не утратить при этом видимости логичности и правдоподобия Троцкому, как и всем радикальным марксистам, позволяет только ряд словарных подмен. Эти лексические подмены со времен Маркса и Энгельса стали частью партийного ритуала, вошли в плоть мышления коммунистических партийных лидеров. Они сводятся к неправомерному лексическому отождествлению радикал-экстремистской партии коммунистов с рабочим классом, с его лучшей частью ("авангардом"), а экспансии коммунистических режимов — с революцией пролетариата. До своего перехода к большевикам Троцкий не раз уличал Ленина в беззастенчивой эксплуатации этого неправомерного отождествления (большевики тождественны "авангарду пролетариата").

С весны 1917 года, примкнув к Ленину, Троцкий сам начинает умело пользоваться бутафорской партийной риторикой, подменяющей пролетариат коммунистами. Его перманентная *пролетарская* революция подменяется — в силу словарного сдвига, о котором сказано выше, — перманентной партократической экспансией. Троцкий жаждет этой экспансии открыто и, очевидно, искренне, но соглашается на фальшивый термин "пролетарская революция", составляющей главное правило партийной игры. Отсюда странное сочетание искренности и фальши в его речах и работах большевистского периода, всегда ориентированных на публику, а не на исследование и определение предмета, в первую очередь, для себя самого.

Как все талантливые ораторы артистического, актерского типа, Троцкий легко самовозгорался от пламени, которым стремился зажечь аудиторию. При согласии с лексической подменой, о которой сказано выше, в действиях коммунистов-экспансионистов появлялась марксистская логика. Сумев внутренне переступить через эту подмену, Троцкий уже не сомневался более в непогрешимости пророчеств и рецептов Маркса, а значит, и в собственной правоте: он работал на "мировую пролетарскую революцию", которую предсказал Маркс. И уже не трудился скрывать неблагоприятные, на посторонний взгляд, детали и своего, и партийного поведения: все искупалось "правильностью" диктующей эти поступки схемы. Так Гитлер не скрывал своего антисемитизма, который обычные житейские антисемиты из тех, которые покультурнее, стараются не выставлять напоказ без особой нужды.

Они понимают, что расизм не красит, — Гитлер не понимал, вернее, отучил себя понимать, поверил величию и спасительности своей программы для немцев. Точно так же Троцкий уверовал в конечную спасительность своей программы для всего человечества; поэтому исчезли всякие поводы стесняться, стыдиться жестоких или бесчестных шагов, продиктованных интересами всемирной экспансии коммунизма. К тому же Троцкий и по натуре склонен к рисовке, к позе, к самолюбованию. У него что ни фраза — то поза; что ни поза — то фраза. Обращаясь в своих сочинениях к единомышленникам, полагая в них ту же приверженность к марксистской схеме, что и в себе, он охотно обнажает свои политические маневры, которые всегда считает блистательными, свою беспощадность и бескомпромиссность, а заодно нередко демонстрирует и изнанку партийной тактики.

В Кисловодске в сентябре 1924 года он написал удивительно, с точки зрения личных его интересов, несвоевременную статью "Уроки Октября". Ему эта статья не принесла ничего, кроме неприятностей: в ней он ядовито напоминал своим процветающим коллегам по руководству партией то, о чем они очень старались забыть.

Они отплатили ему за его предельно недипломатическую, преисполненную самолюбования откровенность первым открытым и грозным выступлением против него и его претензий на ведущее место в *ленинской*, то есть их партии. Ленин, изолированный и пренебрегаемый партийной элитой весь последний год своей жизни, был к этому времени уже мумифицирован. Его литературное наследие стало неисчерпаемым источником разноречивых цитат для всех фракций РКП(б). Статья Троцкого издается по указанию Центрального Комитета партии отдельной книгой с присовокуплением к ней доклада Каменева и выступления Сталина, посвященных разбору не только этой статьи своего оскорбителя, но и всей политической биографии Троцкого. На титульном листе этой книги зловеще-массивными черными литерами напечатано: "Троцкий перед судом коммунистической партии". Далее следует: "Л. Троцкий, 1917. Уроки Октября". А еще ниже — "Каменев и Сталин. Ленинизм или троцкизм? Ответ Троцкому."

Главная роль в разгроме Троцкого представлена Каменеву. Он скрупулезно перечисляет все — за 1905–1924 гг. — случаи расхождения Троцкого с Лениным. Его многословные построения, ничего, впрочем, в статье Троцкого об Октябре убедительно не опровергающие, припечатывает затем своими рубленными чутунными фразами Сталин. В докладе Каменева и в выступлении Сталина отчетливо

(для современного слуха) звучит убийственная фразеология "больших процессов" 1930-х годов. На вертеле этой фразеологии будет корчиться через тринадцать лет и Каменев. Но в 1924 году Сталин милостиво отпускает ему и Зиновьеву (а также себе) грех несогласия с Лениным осенью 1917 года. От Троцкого же в докладе Каменева и выступлении Сталина остается лишь самовлюбленная и беспринципная безличность, суетливо перебегающая от одной партийной группировки к другой в поисках политического выигрыша. Между тем прав, рисуя свою картину октябрьских событий, Троцкий, а не его оппоненты. Именно эта унизительная для многих "старых большевиков" точность Троцкого в изображении октябрьского переворота и явилась главным его преступлением перед партией. Он не смел, по убеждению своих оппонентов, посягать как на партийный миф, так и на его героев в статье, рассчитанной на молодых партийцев и коммунистов Запада.

"Уроки Октября", возбудившие негодование верхушки тогдашней РКП(б), могли бы стать блистательными уроками истории XX века для человечества, если бы они не шли в пустом классе, как идут все такого рода уроки. А жаль...

У Б.Пастернака есть прекрасные, но не совпадающие с исторической реальностью строки о Ленине ("Высокая болезнь"): "Столетий завистью завистлив, ревнив их ревностью одной, ОН УПРАВЛЯЛ ТЕЧЕНИЕМ МЫСЛЕЙ И ТОЛЬКО ПОТОМУ СТРАНОЙ".

Ленин, действительно, отчасти "управлял течением мысли" — в партии, а в некие решающие моменты и вне партии, оседлывая в своих интересах "течение мысли" нужных ему лиц, групп и слоев партии и народа. Управляющая поведением людей демагогия или ложь — один из центральных приемов партократической технологии власти. Но Пастернак говорил не об этом. Тогда ему чудилась в Ленине высокая способность управлять народной мыслью, насыщая и просветляя последнюю неподдельной исторической истиной. Его доктор Живаго тоже пережил мгновение такой иллюзии. Подозреваю, что Троцкий, кочуя с момента последнего удара Ленина по дачам и санаториям и занятый изданием своего многотомника, виделся себе самому примерно таким, каким Ленин в минуту иллюзий привиделся Пастернаку. Работая над "Уроками Октября" и другими такого рода уроками, Троцкий, по видимому, надеялся овладеть "течением мысли" и только потому" партией, занять в ней "объективно" ему положенное, по его убеждению, первое место. Если бы чудом (иначе, как чудом, он в поединке со Сталиным победить не мог) он это место занял, он, несомнен-

но, загубил сказочный исторический выигрыш Ленина (исторического Ленина, а не частного человека, умершего в отвержение). Но, к несчастью, этого не случилось: "Уроки Октября" скользнули по сознанию партии и лишь навсегда ожесточили против Троцкого его врагов.

В "Уроках Октября" доказывается, в первую очередь, тот общеизвестный для тогдашнего руководства партии факт, что подавляющее большинство предоктябрьского ЦК (более остальных — Зиновьев и Каменев, а долгое время и Сталин, — его, правда, Троцкий не называет) в октябре 1917 года были против восстания. Тогда, то есть в феврале-октябре 1917 года, руководящие члены РСДРП(б), до 1917 года жившие в авторитарном, но правовом государстве, приученные годами эмиграции к демократическому образу жизни, ушедшие с головой в водоворот российских гражданских свобод весны 1917 года, еще и действовали, и мыслили, несмотря на многолетнюю ленинскую работу над ними, несмотря на отбор, все-таки как свободные люди.

Даже Сталин в упомянутой выше статье "Ленинизм или троцкизм?" утверждал, что "партия была бы кастой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли", и что без разногласий "не бывает вообще живой партийной жизни и партийной работы". Но тут же подчеркивается, что бывают разногласия и разногласия и что многолетнее несогласие Троцкого с Лениным выходит за рамки плодотворной дискуссии внутри одной партии.

Осенью 1917 года неслучайно многие из старых большевиков не могли согласиться без длительных споров с идеей Ленина об однопартийном захвате власти. Считая себя марксистами, они никак не могли освоиться с мыслью, что в стране с двадцатикратным, если не более, преобладанием крестьянства над промышленными рабочими можно устраивать пролетарскую революцию... И уж вовсе никто из них, даже Сталин, вероятно, не мог тогда представить себе, что свободно высказанные внутри партии политические соображения окажутся когда-нибудь для них смертоносными. В марте-октябре 1917 года в тяжбе с верхушкой собственной партии Владимир Ульянов, победив, предпринял губительный поворот истории XX века в тупик партократии и нечеловеческую гибель большинства октябрьских партийцев. Однако Троцкий, вскочивший тогда на подножку ленинского автомобиля, никогда не будет воспринимать октябрьскую победу Ленина (и свою) иначе, как величайший исторический выигрыш. Он всегда будет возвращаться в 1917-й год как в эру высшего своего торжества. Всегда бесцеремонно относившийся к теоретическим догмам Ленин

(мастер их подгонки под нужды момента) и упрямый, казалось бы, марксистский доктринер Троцкий равно легко переступили через ортодоксальный марксизм, когда учуяли возможность добиться власти. Этим и предопределилось их объединение летом 1917 года.

"... *вырвать власть. Остальное приложится*", — так характеризует Троцкий в "Уроках Октября" сентябрьскую, 1917 года, позицию Ленина и подписывается под ней обеими руками. Он многократно подчеркивает и первый возводит в исторический антипартийный криминал несогласие большинства куда более старых, чем он, сподвижников Ленина с этой позицией.

Статья Троцкого "Уроки Октября", обращенная, в первую очередь, к зарубежным компартиям, постулирует ряд трезвых тактико-стратегических рекомендаций. Вот одна из них:

"... *при отсутствии партии, способной руководить пролетарским переворотом, самый этот переворот становится невозможным. Стихийным восстанием пролетариат не может взять власть: даже в высоко-индустриальной и высоко-культурной Германии стихийное восстание трудящихся (в ноябре 1918 года) оказалось способно лишь передать власть в руки буржуазии. Имущий класс способен овладеть властью, выбитой из рук другого имущего класса, опираясь на свои богатства, на свою "культурность", на свои неисчислимые связи со старым государственным аппаратом. Пролетариату же ничто не может заменить его партии...*"³

В ходе рассуждений Троцкого оказывается, что пролетариат способен быть лишь рычагом, физической силой переворота, организуемого партией, нацеленной на овладение политической властью. Мало-мальски последовательное размышление должно было бы привести автора статьи к мысли, что пролетариат вообще не может осуществлять самостоятельно политическое и экономическое руководство и что, следовательно, вся Марксова концепция "диктатуры пролетариата" ложна. Но Троцкий безоговорочно принял общекommунистическую подмену "партия тождественна авангарду пролетариата" и таким образом выбрался из уничтожительного противоречия.

В итоге долгих рассуждений Троцкого оказывается, что для начала парткратического переворота в России вообще не потребовалось ни согласия, ни участия народных масс, в том числе и пролетарских.

Понадобилась продолжительная кризисная ситуация и бездействие (безвластие) революционного Временного правительства, чтобы обстоятельства, именуемые "двоевластием", привели к большевистскому перевороту.

По Троцкому, и переворот фактически совершился несколько раньше, чем принято считать в силу традиции, связавшей переворот со II съездом Советов.

Ленин, впрочем, и не собирался ждать II съезда Советов. Он упорно требовал от ЦК своей партии пренебрежения этой пустой формальностью — предварительной легализацией съездом действий большевиков. Но во всей своей публицистике и речевой продукции 1917—1921 гг. Ленин с неменьшим упорством камуфлирует большевистский парткратический переворот волей и властью Советов. Троцкий же с присущей ему — всегда не ко времени — откровенностью доказывает изначально камуфляжную роль Советов в большевистской политике.

"В сентябре, в дни Демократического Соперничания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию: "Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, — писал он, — т.е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т.д. Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству" (том XIV, ч. 2, стр. 140).

Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии с тем, чтобы затем освятить победу через Съезд Советов. Центральный Комитет не принял этого предложения. Восстание было введено в советское русло и агитационно связывалось со Вторым Съездом Советов. Это разногласие требует подробного объяснения, — тогда оно естественно войдет в рамки не принципиального, а чисто технического вопроса, хотя и большой практической важности".⁴

В данном случае Троцкий был среди тех, кто не принял ленинского предложения. И поэтому он обосновывает "чисто технический" характер своего расхождения с Лениным. Одновременно он не устает подчеркивать, что у Каменева, Зиновьева, Ногина и других (читай: у Сталина) расхождения с Лениным были принципиальные: они не хотели восстания во-

обще. Он же только варьировал сроки и технологию (по сравнению с ленинскими предложениями). И Троцкий старается продемонстрировать свое принципиальное единство с Лениным. Одновременно, не выпячивая себя за нейтральным "мы", он показывает, что своим фантастическим выигрышем в восстании⁵ партия обязана ему, а не Ленину:

"Все эти письма", где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента. Основная, проникающая их мысль, это — возмущение, протест, негодование против фаталистического, выжидательного, социал-демократического, меньшевистского отношения к революции, как к какой-то бесконечной ленте⁷.

... Если бы не было этой ленинской тревоги, этого нажима, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выровняла бы, пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно, а штаб играет большую роль в войне, в том числе и в гражданской.

Но в то же время совершенно ясно, что подготовка восстания и проведение его под прикрытием подготовки Второго Съезда Советов и под лозунгом защиты его⁸ дала нам в руки неоценимые преимущества. С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин,

находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении. Во всех его письмах того времени об этом обстоятельстве вообще, насколько помню, не говорится ни слова. А между тем исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, определен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-Революционный Комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство⁹."

¹ Орывок из книги "Мертвые хватают живых", четыре главы которой посвящены Троцкому.

² Берлинское книгоиздательство. 1924.

³ Троцкий Л.Д. 1917. Уроки Октября. "Троцкий перед судом коммунистической партии". Берлинское книгоиздательство, 1924. Стр. 4–5.

⁴ Там же, стр. 39–40.

⁵ В автобиографической "Моей жизни" с такой же скромностью будет показано, что и выигрышем в гражданской войне тоже.

⁶ Речь идет о потоке возмущенных ленинских писем из Разлива в ЦК в сентябре-октябре 1917 года с угрозой отставки и прямого обращения к массам в случае дальнейших проволочек с восстанием.

⁷ Имеется в виду ранее Троцким рассмотренное отношение к революции ряда нынешних его соперников.

⁸ То есть тактика Троцкого, а не Ленина.

⁹ Троцкий Л.Д. 1917. Уроки Октября. "Троцкий перед судом коммунистической партии". Берлинское книгоиздательство, 1924. Стр. 40–41.

(Окончание следует)

А. ФЕДОСЕЕВ

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ — РЕЛИГИОЗНАЯ КАТЕГОРИЯ?

Мы охотно печатаем эту интересную статью в порядке дискуссии. Думаем, что В.Кобылин со многим согласится (например, по вопросу о власти Сталина), но кое в чем не согласится (например, в том, что зло необходимо и что при его исчезновении исчезло бы и добро, с чем не соглашаемся и мы как с нехристианской точкой зрения, но подробно поговорим об этом позже). Во всяком случае, мы бы приветствовали, если б В.Кобылин, в свою очередь, ответил на эту статью.

Редакция

В. Кобылин ("Мысли о власти" ГЗ № 23) в моем представлении относится к людям, нравственные ценности которых я разделяю. Если бы меня просили сформулировать, как можно более кратко, эти ценности, я бы использовал известное библейское изречение "Трудись в поте лица своего" в совокупности с известными заповедями "Не укради", "Не убий" и т.д... Может быть, за исключением заповеди "Соблюдай Святую Субботу", если нужно толковать ее буквально.

В своих статьях в защиту духовных и нрав-

ственных ценностей В. Кобылин высказывает отчетливые утверждения, позволяющие понять его точку зрения. Этим он отличается от многих других поборников духовных ценностей, статьи которых представляют часто сплошной туман и не содержат отчетливо выраженных мыслей, которые можно было бы принять или опспорить. И в данном случае ("Мысли о власти") В.Кобылин высказал ряд очень интересных и отчетливых утверждений. Часть из них я, однако, считаю необходимым опспорить.

В. Кобылин утверждает, что "власть есть

религиозная категория". Поскольку он говорит и о власти государства, с этим невозможно согласиться. Сталин обладал колоссальной властью, но какое же отношение имела его власть к какой бы то ни было религии или религиозной вере? Понятно, что его власть включала в себя элементы веры многих людей в него. Веры, которая в некоторых случаях могла и не включать в себя материальные факторы, а быть чисто духовной. Однако даже в этих случаях поставить это явление власти в разряд религиозной категории можно только с совершенно недопустимой натяжкой.

Говорят: "Нет власти еще не от Бога"; "Ни один волос с нашей головы не упадет без воли Бога". Означает ли это, что власть Сталина (или, скажем, Хомейни) дана нам Богом и мы должны ее терпеть, пока Бог не уберет ее от нас? Означает ли, что Сталин, расстреляв и уничтожив 67 миллионов людей, выполнял указание Бога? Я думаю, что такое истолкование совершенно неверно.

Все, что существует и действует на земле и во Вселенной, создано, без исключения, Богом и подчиняется установленным Богом законам.

Ни Сталин, ни Хомейни не могут преступить законов Природы (Бога). Убийца, нажимая курок, приводит в действие законы Природы (Бога): детонация, взрыв заряда, вылет пули — все это происходит по законам Природы (Бога). Однако человек может и не нажать курок. Волос тоже, если упадет, то только во исполнение законов Природы (Бога). Человек по таким же законам Природы (Бога) может и сохранить волос на голове. Бог даровал человеку полную (и неисчерпаемую) свободу познавать и использовать законы Бога (тоже неисчерпаемые), по своему усмотрению, т.е. и для добра, и для зла. Выбирая добро или зло, мы остаемся в пределах законов Природы (Бога). Во власти дьявола лишь побудить нас использовать законы Природы (Бога) именно для зла. Скажем, нож можно употребить, используя законы Природы (Бога), как оружие зла для убийства и как инструмент добра для обработки пищи.

Поэтому, стремясь свергнуть социалистическую диктатуру, мы никак не идем против законов Бога, а против использования этих законов для зла. Против выбора, сделанного людьми в пользу зла.

Христианская религия может подсказать людям выбор именно добра, а не зла. Заповеди определенно это делают. Однако приход Сталина к власти, не преступив законов Бога, определенно преступил порог между добром и злом в сторону зла. Вернувшись в Новой России к демократии, мы переступим порог между добром и злом в обратную сторону, никак не преступая законов Бога. Никакой возмож-

ности преступать законы Бога у нас нет. Наши политические действия религией не диктуются. Религия не имеет ничего общего с политикой, что, конечно, не означает, что, будучи религиозными, мы не должны заниматься политикой. Однако, преступая в своих политических действиях порог между добром и злом в сторону зла, мы определенно действуем против религии, хотя и не против законов Бога. Религия, отражая волю Бога, подсказывает нам отличие добра от зла для правильного использования законов Бога в направлении добра, а не зла.

То, что все во всей Вселенной совершается по законам Бога, не делает никакую земную власть, тем более советскую, религиозной категорией. Религия не одобряет зла, а советская власть есть абсолютное зло, т.е. является категорией зла, а не религии.

В.Кобылин утверждает, что *"религиозная основа государственности поможет создать общечеловечность, в которой люди будут действовать не по партийным предначертаниям, а на основе нравственного служения родине"*. Это утверждение тоже не может быть верным. Хомейни в Иране создает государственность на религиозной основе. Можно не сомневаться и в том, что Хомейни (беспартийный) действует не по партийным предначертаниям, а на основе нравственного служения его родине, конечно, так, как он это служение понимает. Таким образом, Иран Хомейни полностью укладывается в смысл утверждения В. Кобылина, оставаясь, однако, воплощением зла, а не добра.

В. Кобылин может возмутиться: "Что же вы меня ловите на слове? Вы же понимаете, что я имею в виду хорошее, а не плохое?" В этом и есть, однако, суть моего возражения. Нравственные категории не поддаются однозначному определению, одинаковому для всех. Каждый человек понимает их по-своему. То, что один считает за добро, другой может посчитать злом. Можно ли рассчитывать, что в каком-то будущем люди будут понимать добро и зло одинаково? Едва ли, так как это противоречит уникальности каждого человека в том виде, каким он создан Богом. Бог создал человечество как трудновообразимое многообразие, простирающееся на шкале добра и зла как в сторону добра, так и в сторону зла до бесконечности. Больше того, даже точки отсчета на этой шкале у каждого из нас свои, уникальные, и это тоже предусмотрено Богом. Превратить это колоссальное многообразие в однообразное добро невозможно. Кроме того, ликвидировав зло и, следовательно, ликвидировав для каждого из нас точку отсчета и сравнения, называемую злом, мы ликвидируем и добро. Не зная зла, мы не будем в состоянии понимать, что такое есть добро.

"И только стремление к очищению основ-

ных нравственных положений от всей засоренности современной цивилизации может привести к чаемому просветлению на нашей родине” (В. Кобылин).

Если поверить В. Кобылину, то можно заранее сказать, что “просветление” не наступит и через миллион лет, так как и через миллион лет будут существовать различные категории добра и зла, люди будут оставаться каждый особым, уникальным созданием, а спектр добра и зла будет все так же простирается в обе стороны до бесконечности. Кроме того, В. Кобылин, несомненно, считает, что он может быть судьей, указывающим людям для “просветления”, от чего им нужно очищаться, а что можно сохранить. Я мог бы быть ему на пару, в помощь. Сомневаюсь, однако, в том, что много людей будут следовать нашим с ним оценкам. Тем более, что нам придется рассортировать на добрые и злые многие миллионы конкретных поступков и действий, происходящих в мире, поощряя добрые и предостерегая от злых.

Значит ли это, что борьба В. Кобылина и моя со злом в нашем, индивидуальном понимании является бессмысленной? Конечно, нет.

Результат борьбы всегда есть. В одном случае больше людей перемещается по шкале добра и зла в сторону зла — случай советского государства, а в другом, скажем, нашем, — в сторону добра. Очень и очень многие жители планеты (но далеко не все) согласятся, что советская власть двигает людей по шкале добра и зла в сторону зла. Религия же двигает людей по этой шкале в сторону добра. Поэтому борьба В. Кобылина со злом даже в его личном и, следовательно, ограниченном и не всегда верном понимании, имеет смысл.

Однако не трудно заметить, что успех советской власти в направлении ко злу неизмеримо больше успеха В. Кобылина в направлении к добру, хотя и не равно нулю. Почему такая разница в силе действия? Во-первых, потому что двигаться в сторону зла всегда проще, чем в сторону добра. Во-вторых, средства советской власти для воздействия в сторону зла неизмеримо сильнее средств воздействия, имеющих у В. Кобылина.

Нравственность, правильное понимание добра и зла (если оно даже есть) очень трудно, если вообще возможно, пересадить из одной души в другую. Вот пересадить понимание закона тяжести или расписания поездов из одной головы в другую относительно очень просто. И расписание поездов на данном вокзале, и закон тяжести одинаковы для всех и, пользуясь ими в нашей повседневной практике, мы будем следовать им в большинстве случаев вполне правильно. Факты науки и техники всегда конкретны и определены. Нравственные категории всегда менее конкретны и определены. Поэтому их пропаганда (пересадка

из одной души в другую) гораздо менее успешна, и в особенности, в сторону подальше от зла.

Я думаю, В.Кобылин со мной согласится, что разные государственные структуры и режимы весьма мощно и по-разному действуют на население в смысле передвижения его по шкале добра и зла. Советская диктатура мощно двигает людей в сторону именно зла. Государственные структуры Запада, по мнению В.Кобылина (и я с ним согласен, имея, впрочем, Швейцарию на особом счету), тоже не способствуют добру, а, пожалуй, тоже мощно двигают людей в направлении зла (и не потому, что они являются демократиями, а потому, что они не являются истинными демократиями, а высоко централизованными государствами, стремящимися к пределу централизации — социализму).

Если, как будто вопреки В.Кобылину, я предлагаю конкретную и определенную структуру государственной власти в Новой России — истинную демократию, — я убежден, что она, если будет реализована, мощно двинет народ в направлении добра. Предлагаемая государственная структура и основывается лишь на том, чтобы избежать явных грехов и зла социализма и западного централизма, ведущего к декадентству. Мой проект заключается в создании вполне конкретной и вполне реализуемой плодородной почвы для добра. Суть проекта именно в том, что он освобождает миллионы людей от цепей социализма, централизма и монополизма для созидательного творчества. Освобождает таким образом души этих миллионов от навязываемого государственной структурой зла.

Мой проект предусматривает именно “очищение” народа от навязанного ему зла и выявление собственных, природных (данных Богом) характеристик этого народа. Я глубоко убежден, что государство может быть много и много хуже народа, его составляющего, но никогда не может быть лучше, чем сам народ. В истинной демократии, по моему проекту, и религия, и В.Кобылин будут иметь гораздо больше возможностей для воздействия на людей в сторону добра.

К сожалению, В.Кобылин начисто отвергает все конкретные (и мои в том числе) предложения о необходимой структуре государства, как, якобы, ненужные, неинтересные и “материалистические”, кстати, совершенно незаконно расщепляя Божий мир на материальный и духовный и изолируя последний какой-то стеной. Этим самым В.Кобылин отвергает для себя мощный способ борьбы за добро и идет против законов Бога, создавшего наш мир в виде неразделимого единства материального и духовного. (Это, естественно, ни В.Кобылину, ни кому-то другому удастся не может).

Чувствуя, однако, слабость своей позиции, В.Кобылин не может не использовать аналогичное моим средство борьбы за добро — создание "беспартийного" государства уже по своему проекту, не делая, впрочем, никаких ссылок на проект такого государства в моей книге, которую, однако, критикует. Видимо, собственный проект ближе к сердцу, а другие проекты и читать достаточно внимательно не хочется. Все же мне очень хочется упрямить В.Кобылина познакомиться достаточно внимательно с моим проектом и дать его обоснованную критику. Диалог все же лучше монолога.

Нельзя согласиться с В.Кобылиным, что государство должно заранее строиться на религиозной основе, т.е. на основе государственной религии, очевидно, православной. Лично у меня возражений нет. Однако что прикажете делать миллионам российских граждан, исповедующих мусульманство, лютеранство, иудаизм, буддизм, индуизм и т.д. вплоть до атеизма?

Эмигрировать или драться? Мне кажется, что государство должно быть отделено от церкви. Тем более, что политика не есть дело религии. Только так может быть осуществлена необходимая свобода совести и возможность той или другой религии учить души людей добру. Тем более, что никакая государственная власть не может вынуть из души человека его религиозную, скажем, мусульманскую веру и вставить взамен, скажем, православную. Государство может манипулировать знанием, наукой и техникой, но даже диктатура не в состоянии манипулировать в душах людей верой, которая не связана ни со знанием, ни с наукой или техникой.

В.Кобылин пишет: "*Установление такого государственного порядка, который устоял бы надолго*", — никак не сообщая нам, какого — "такого". Татары установили нам порядок на

несколько веков. Советская власть существует на протяжении жизни по крайней мере двух поколений. "Декадентские" государства Запада существуют не одно столетие. В Новой, постсоциалистической России нам никак не уйти от обязанности точно установить, что означает "такое". Лучше и даже необходимо сделать это заранее. Правда, В.Кобылин предостерегает от принятия государственной программы одной, не называемой им политической группы в эмиграции. Однако это все, что сказано им по этому вопросу.

Между тем и в эмиграции, и в СССР имеются политические движения, выдвигающие не менее, а пожалуй, более тоталитарные проекты, чем есть сама советская власть. Много проектов, ведущих нас по уже явно плохому пути централизма и монополизма. Тем более, что этот путь, рано или поздно, может кончиться только тоталитаризмом социализма. Сверх этого есть уйма последователей идеи Мирового Единого (неизбежно полностью тоталитарного) государства, не отличающегося от того, которое предусматривается социалистами после завоевания социализмом всего мира.

От борьбы с этими проектами, неизбежно ведущими к мощному злу и против добра религиозной веры и истинной демократии, мне кажется, совершенно недопустимо уклоняться ни под каким предлогом.

Так или иначе, я очень рад, что В.Кобылин уже существенно нарушил противоестественную, искусственно созданную поборниками "чистой" духовности китайскую стену, отделяющую духовный мир от реальной жизни, созданной Богом наравне с духовным миром. Хотелось бы еще большего "прорыва" и его расширения. Нельзя передоверять профессиональным политикам заботу об уже близком будущем государственном устройстве Новой России.

* * * * *

В конце апреля произошла передача Синайского полуострова Израилем, завоевавшим его 15 лет тому назад, Египту. Это была во многих отношениях драматическая передача, которая, будем надеяться, укрепит мир на Ближнем Востоке. В связи с этим мы хотим напомнить нашим читателям прекрасные строки Бунина, подчеркивающие религиозное значение Синая.

Редакция

13 февраля 1911 г., Суэцкий канал*.

День облачный, мутный, ветер сильный и мягкий. К полудню мы были уже далеко от Порт-Саида, в совершенно мертвом, от века

* И. Бунин. "Воды многие", "Петлистые уши" и другие рассказы. Стр. 334—339. Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1954 г.

необитаемом царстве. И долго провожала нас слева, маячила в мути пустыни и неба чуть видная, далекая вершина Синая, и весь день прошел под его величавым и священным знаком, был связан с чувством его близости, его ветхозаветного, но вместе с тем и вечного владычества, ибо это вечно, вечно: "Аз есмь Господь Бог твой... Помни дни Господни... Чти отца и мать твою... Не делай зла ближнему твоему... Не желай достояния его..."

Я ходил по верхней палубе, сидел, читал, думал о многом и разном, но за всем был Синай. Я смотрел в туманную пустыню справа, в сторону Египта, смотрел на пески впереди, но все время чувствовал тот жуткий в своей древности и вечности Образ, что сопровождал нас слева, с аравийской стороны, своей как бы повисшей в неясном небе, над розовым туманом, громадой. И это и страшило, как страшит все великое, и восторгало. Разве эта гора как все горы на земле? Несчетные мириады тех, что рождались на земле в течение этих тысячелетий, узнавали о нем с младенчества, на первом пороге жизни, и до гроба жили (покорно или строптиво, грешно или свято, а все-таки жили) под властью того, что заповедано на нем, на Синае. Вот истинно незыблемый маяк человечества, столп и основание его бытия, престол законов, их же без кары не преступишь!

Мысль об этой незыблемости и о той связи, которую рождает между людьми почитание синайских скрижалей, вмененное в одинаковую священнейшую обязанность миллионам людей, отзывается в сердце великим утешением. Да, уж целые тысячелетия, из века в век, из часа в час, из сердца в сердце передается всех и вся равняющий и единящий завет: *ч т и с к р и ж а л и С и н а я*. Сколько раз человечество восставало на них, дерзко требовало пересмотра, отмены их велений, воздвигало кровавые схватки из-за торжества новых заповедей, в кошунственном буйстве плясало вокруг золотых и железных тельцов! И сколько раз, со стыдом и отчаянием, убеждалось в полном бессилии своих попыток заменить своей новой правдой ту старую, как мир, и до дикости простую правду, которая некогда, в громах и молниях, возвещена была вот в этой дикой и вечной пустыне со скалистых синайских высот!

Я сидел, смотрел... Сильно дул в лицо летний ветер, тепло солнца, все скрывавшегося за легкими, сливающимися клубами облаков, грело меня, грело белую сухую палубу. Ветер нес незримую, тончайшую песчаную пыль, с места на место пересыпая песчаные бугры и заноса канал все с тем же бесцельным прилежанием и упорством, с которым заносил он и каналы фараонов, давно погибшие, неведомые нам. Канал извивался, вода его зеленела то бледнее, то ярче в зависимости от солнца, порой заходившего в облака, порой озарявшего светом, радостью. Медленно проходили мимо засыпанные песком кустарники, насаженные по песчаным буграм вдоль канала. Мир был безгранично пуст — ни единого живого существа вокруг, ни единого жилища, кроме редких сторожевых мазанок, таких одиноких в этом серо-желтом море и со всех сторон теснимых желтыми сугробами. Но, казалось, душа всего человечества, душа тысячелетий была со мной и во мне. "Не пожелай дома ближнего твоего,

ни жены его, ни раба его, ни осла его..." И меня охватывало умирение. Какая пастушеская наивность выражений! Но как это трогает и радует, — то, что человечество и донныне сохранило в полной неприкосновенности эти древние, наивные формы заповедей! Мы и не подозреваем всей силы таинственного влияния этой архаичности, ее неизменности и независимости от преходящих земных условий. Она разрушает преграды времени, места, национальности, она говорит всем языкам людским только одним, только своим, только аравийским языком, и из тысячелетий в тысячелетия мириады самых разноплеменных человеческих душ, начинающих свое земное существование, младенческими голосами внушающих себе и другим для всех равно обязательные синайские законы, хранят только этот язык: ни раба его, ни осла его.

Я сидел и думал: все-таки оно есть в мире, — нечто незыблемо-священное. В гигантском человеческом таборе, который стремится, невзирая на все свои блуждания, все-таки вперед, в какую-то обетованную землю, в пестром и шумном стане, который ютится в низкой земной юдоли, а все-таки у подножия неких горных высот, кипит мелкая, будничная жизнь, царит человеческое ничтожество, человеческая слабость, убогая гордыня, злоба, зависть, и Божьи избранники, пророки, мудрецы не раз содрогались в этом таборе от ужаса перед его мерзостью, в отчаянии дробили о камень скрижали синайского завета между человеком и Богом — и все-таки снова и снова собирали раздробленное, снова воздвигали все те же самые уставы, ибо снова и снова гремели из мглы и туч омраченных высот все те же страшные, но и утешающие, указующие спасительный путь глаголы:

— Вы видели, что Я сделал с Египтянами (за зло их) и как носил Я вас на орлиных крылах (на крылах вечной мощи Моей) ... Вот Я прихожу к вам в густом облаке и молниях (ибо омрачен престол правды Моей и разгневано сердце Мое): пусть слышит народ, как Я буду говорить, и пусть поверит *н а в с е г д а*...

Там, в вечной Книге Книг, так и сказано: навсегда. Младенчески бедны уставы, навсегда долженствующие быть нашей верой и нашим правилом, но в этом-то и сила их. Пастушеской простотой звучат они, но в простоте-то и вечность их, подобная вечности вот этого неба (простого синеего воздуха), вот этой земли (простых песков и камня).

"Чти отца и мать твою", — что, казалось бы, может быть проще и беднее этих слов? А меж тем скорее солнце сойдет с своего пути, чем потеряют они свою повелительную силу и свою святость, ибо во веки веков будет свято чувство рожденного к родившим его, к тем, которые всей силой своей любви сохранили

его в пору его слабости и беззащитности. Да и так ли уж проста она, эта нежнейшая из заповедей? Она говорит: "Чти отца и мать твою, — и прибавляет: — Дабы продлились дни твои". К чему оно здесь, это добавление о долготе дней? И о чем идет в нем речь? О награде от Бога за почитательность? Нет, смысл заповеди гораздо глубже. Она говорит: чувство связи, — а не может быть связи без почитания, — чувство единства с родившими тебя, с жизнью отцов твоих, расширяет твою собственную, личную, краткую жизнь; возвышая их, воздавая сыновнюю дань своим отцам, утружденным жизненным бременем, таинством Бытия и любовью к тебе, ты возвышаешь самого себя, то есть существо во всем подобное им: ты их порождение, их плод; чти же древо, давшее плод, если притязает быть и сам достойным почитания, ибо не может быть плода доброго с недоброго древа; единая жизнь совершает свое таинственное странствование через тела наши, — стремись же ощущать это единство и благоговей: в нем твое бессмертие (долгота дней) и самоутверждение.

А заповедь о достоянии? "Не пожелай дома ближнего твоего, ни жены его, ни раба его, ни осла его, ни всякого достояния его..." Какая опять как будто нехитрая и, главное, спорная, истина? Не пожелай! А я вот желаю и желаю с очень достаточными основаниями: "Собствен-

ность есть кража, и уж во всяком случае ничего священного я в ней не вижу!" Но и тут только видимость простоты и легкой оспоримости. Нет, надо весьма немного подумать, чтобы понять всю вечность и глубину и этого синайского наказа. Нет, сколько бы ни изрекала дерзостей человеческая глупость, человеческая зависть, оно поистине священо, это достояние ближнего моего, приобретаемое не всегда же случаем, а обычно ценою не только всей его жизни, но и жизни целого рода его. И посему трижды священна пальма, посаженная его отцом и потому никак не могущая быть общей; священ колодец, вырытый его дедом, то есть хранящий некую частицу деда, его труда, его мысли, его души и, значит, как бы даже некое его бессмертие, продолжение, продление его земной жизни; священ старый дом, где мой ближний жил и хочет жить по-своему, во всей сокровенности своей личности, своих особенностей, своего гнезда, и где он то и дело ощущает, вспоминает (то есть в о с к р е ш а е т) себя то ребенком, то отроком, то юношей, то мужем, со всеми своими былыми горестями и радостями, и, кроме того, чувствует себя наследником, продолжателем всех тех традиций, всей той культуры, которая уже создана на месте его дома... Какая кровь может смыть вторжение постороннего в это "достояние", в это святая святых человека!

* * *

Без всякого намерения состязаться с Бунным, с такой силой возвестившим о вечном значении Синайских Скрижалей, не могу удержаться от соблазна сказать несколько слов о моем собственном путешествии в Синай и подъеме на Синайскую гору в сентябре 1971 г.

Пустыня необыкновенно красива. Она ничуть не однообразна. То она плоская, то гористая, то сверкают синие, то зеленые или розовые камни. Только у побережья она покрыта желтым песком, в который как будто наткана пальмовая роца около Эль Ариша.

Но затягивает и увлекает пустыня не столь своим неожиданным разнообразием, как своей мощью, своей первозданностью, чувством, что Дух Божий все еще дышит над хаосом камней. А по ночам яркие звезды, такие яркие, каких нигде, кроме пустыни, не увидишь.

"Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит".

А иногда на черте горизонта встает группа зелени, она растет, превращается в пальмы, цветущие олеандры, жесткую траву пустыни, среди которых лениво движутся величественные верблюды, бедуины в белых одеждах и женщины с завешенным лицом, платком на

голове и косой, заплетенной почти на лбу и стоящей, как рог, над головой; т.к. вся остальная голова покрыта платком, такая коса-рог — единственная возможность для бедуинки показать, какие у нее хорошие волосы.

Красоту оазиса невозможно понять, не сделав сначала длинного пути по пустыне. Те же пальмы и олеандры вне пустыни не представляют собой ничего особенного. Они необыкновенны и чудесны лишь как контраст.

Но вот монастырь св. Катерины. Темные своды, груды черепов за стеклом — *memento mori* — неслышно скользящие фигуры греческих монахов.

Нас будят в 4 часа утра. Темно, хоть глаз выколи. С трудом различаешь верблюдов и около них фигуры бедуинов, с которыми нельзя объяснить ни на одном европейском языке. Наши руководители группы куда-то исчезли. Бедуин знаками указывает на опустившегося на колени верблюда. Встаю на него, крепко держась за палочку впереди седла. Сидишь как будто спокойно в седле и вдруг... взлетаешь высоко в воздух двумя рывками: верблюд поднялся на ноги. Медленно и размеренно он движется в темноту.

Неожиданно небо начинает светлеть, вокруг вырисовываются резкими контурами дикие и мощные скалы, горы, верблюды с другими всадниками нашей группы. Во главе цепочки верблюдов, на первом верблюде, прямо, с величественной осанкой, восседает 70-летняя голландка в платье с рюшами (мы все надели брюки для путешествия на верблюдах). Картина окрестностей в этом особом, не поддающемся описанию свете, совершенно фантастична. Долго любоваться ею нельзя, это всего какой-то короткий, но незабываемый момент. Рассвет на юге так же короток, как коротки сумерки. Уже встает солнце, и фантастика картины пропадает. Гора, скалы, пустыня — дики, мощны и величественны, но все же яркий дневной свет прогоняет особый колорит расвета.

Две трети горы преодолены. Верблюды останавливаются, дальше они идти не могут, слишком круто. Снова рывок, на этот раз вниз: верблюды стали на колени. Мы слезаем с них и карабкаемся на вершину горы.

И вот мы на той вершине, с которой в туманах, громе и молнии были даны Скрижали. Сегодня сияет солнце. Все тихо. На самой вершине мы находим к нашему удивлению хижину, и в ней, за окном с деревянной решеткой, молодую женщину, затворницу. Еще больше

наше удивление, когда она заговаривает с нами по-немецки. Немка из Гамбурга дала обет жить в этой хижине на вершине Синайской горы до тех пор, пока среди людей не установится мир. Бедуины приносят ей воду и еду. Мир на земле! Где-то теперь эта немка? Живет ли она все еще на вершине Синайской горы или капитулировала и вернулась в этот мир без мира?

Спускаемся мы с горы по другому ее склону. На этой стороне камни расположены необыкновенным образом в виде как бы естественной лестницы, правда, с огромными ступенями и неровными расстояниями между ними, что сильно затрудняет спуск. Цепочка нашей группы растягивается, мы теряем друг друга из виду. Вот разветвление: куда направить шаги? Но едва остановишься в недоумении, как уже на каком-нибудь возвышении, как из-под земли вырастает арабский мальчик в виде регулирующего движение "полицейского" в пустыне и указывает знаками путь.

В 8 часов утра мы уже внизу, снова в монастыре св. Катерины. В большом зале на простых деревянных столах стоит приготовленный завтрак. Но есть не хочется. Слишком сильны впечатления, слишком переполнена ими душа. Всего четыре часа в ходе длинной жизни, но они никогда не забудутся.

В. Пирожкова

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

СУББОТА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА... (Общедоступная народная беседа)

Еврейская суббота и наш христианский воскресный день, хотя и различны по своему содержанию, но одновременно имеют много общего. И тот и другой является днем Господним, посвященным Богу. Это то, что их роднит и сближает, несмотря на существенные различия. Но эти различия одновременно нисколько не мешают тому, что вокруг и субботы, и нашего воскресного дня накопилось столько недоразумений, неразрешенных вопросов, наивного формализма, что почти невозможно их все затронуть в одной статье.

Мы будем говорить о нашем воскресном дне. Но как только мы заговорим о нем, перед нами станет ряд простых, но весьма существенных вопросов, на которые современный православный христианин не сможет дать четких и вполне вразумительных ответов.

Что такое воскресенье — день отдыха или Господень день, т.е. день, посвященный Богу? Может, то и другое вместе? Что это — день безделья, или день духовного делания? День, ког-

да нельзя работать, но можно до одури играть в карты или от нечего делать заниматься алкогольным неумеренным возлиянием? День, в который человек призван сделать что-нибудь существенное для спасения своей души, или день бездумного сидения в кино, где показывают фильм сомнительного качества? День, когда человек может вникнуть на досуге в Слово Божие или день для пустой болтовни за чайным столом и перемывания косточек своим ближним? День помощи нашим ближним, больным, унывающим, страждущим или день подворотных сплетен и обливания помоями? День духовной сдержанности или распущенности?

Эти вопросы можно продолжить. Их будет весьма много и трудно даже себе представить, где им может быть положен конец, ибо ситуации, которые могут возникнуть у каждого из нас в воскресный день, неисчислимы по своему многообразию; предусмотреть каждую из них не представляется практически возможным.

”В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть” (Матф., XII, 1).

Очевидно, срывание колосьев для еды проходящими путниками не представляло собой нечто из ряда вон выходящее и было узаконено еврейской традицией.

”Фарисеи, увидевши это, сказали Ему: вот ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу” (Матф., XII, 2).

Фарисеи в данном случае рассматривали сбор колосьев для еды как своего рода работу, запрещенную в субботу по еврейскому закону. Господь не отрицает религиозных предписаний, связанных с субботним днем, но совершенно отвергает и отменяет формальное понимание субботней традиции. В своем ответе фарисеям Господь указывает на факты, которые иногда могут повести по крайней нужде к нарушению имеющихся узаконений. Это бывает связано с разного рода чрезвычайными обстоятельствами, приносящими людям вред, если они будут формально, без учета данной конкретной обстановки, выполнять субботнюю традицию. В этих случаях суббота может быть и должна быть нарушена, как в случае с апостолами, нуждавшимися в подкреплении пищей. Частично в этом смысле надо также понимать слова Спасителя о том, что ”суббота для человека, а не человек для субботы” (Марк, II, 27).

Однако эти слова Спасителя отнюдь не могут быть понимаемы как утверждение полной свободы и несвязанности людей в день, посвященный Богу, как утверждение какого-то своеволия в этом отношении. Приведенные слова Спасителя надо понимать в их главном смысле. Этот смысл заключается в том, что день субботний, а в христианском мире день воскресный, дан нам как день, посвященный Богу, как день, в который человек духовно очищается и духовно возрастает. Наши воскресные дни и наши церковные праздники, являются, если можно так выразиться, ”духовно-заправочными станциями” на нашем земном пути. А отсюда и вытекают церковные предписания о поведении христианина в эти дни. Все они даны для нас, для нашей духовной пользы, и в этом смысле прежде всего ”суббота для человека, а не человек для субботы”. Поэтому все наши традиции и предписания, связанные с праздничными днями, исходят из пользы человека. Они, однако, рассчитаны на какие-то общие средние нормальные условия. Но могут быть случаи, когда для той же пользы человеческой некоторые религиозные требования, связанные с праздничными днями, могут быть в отдельных случаях и отменены, как в известной степени отменил Господь некоторые субботние положения, дав своим ученикам возможность собрать какое-то количе-

ство колосьев, очевидно, по тем соображениям, что они все нуждались в пище, в подкреплении, а пищи не было, и они должны были сами себе что-то достать. Это была необходимость, вытекающая из данной конкретной обстановки; и вопрос шел об удовлетворении насущных нужд, без которых человеческий организм не может существовать и нормально функционировать. Такого рода особые обстоятельства могут быть и физического, и духовного порядка. Но это не означает, конечно, что подобное дает нам право злоупотреблять и подводить под необходимость совсем не необходимые вещи.

”В одной из синагог учил Он в субботу; там была женщина, восемнадцать лет имевшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться.

Иисус, увидев ее, позвал и сказал ей: женщина! ты освобождаешься от недуга своего.

И возложил на нее руки; и она тотчас выпрямилась и стала славить Бога.

При этом начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний” (Лука, XIII, 10–14).

Начальник синагоги возмущился, что Иисус как бы нарушил субботний покой исцелением женщины, подведя самый акт исцеления под какую-то активную деятельность (или работу), запрещенную в субботу. Начальник синагоги подошел к этому факту слепо-формально, забывая, что субботний покой отдается Богу, а чем можно больше угодить Богу, как не добродетелями во имя прославления Его Святого Имени? Более того, иудейские религиозные деятели того времени совершенно забыли о том, что абсолютного покоя и в субботу быть не может, ибо всегда вокруг человека останется хотя бы самый минимальный круг необходимых повседневных дел, без которых не может продолжаться нормальная жизнь и отдельного человека, и всего человеческого общества. Это и подчеркивается в ответе Иисуса начальнику синагоги.

”Господь сказал ему в ответ: лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу, и не ведет ли поить?

Сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?

И когда говорил Он это, все противившиеся Ему стыдились; и весь народ радовался о всех славных делах Его” (Лука, XIII, 15–17).

Отвечая начальнику синагоги, Господь одновременно дает нам совершенно точные указания о том, как проводить дни, отведенные Церковью во славу Господа и необходимые для духовного здоровья людей.

И на традиционный и не особенно умный во-

прос, часто задаваемый некоторыми людьми: можно ли в воскресенье или праздник работать и не грешно ли это? — мы можем ответить только одно: если вы в день Господень не нашли ничего лучшего, как работать для удовлетворения своих личных потребностей, для того, чтобы заработать лишние деньги, которые иногда бывают не столь уж и нужны вам, если вы не можете в эти дни выйти из рамок повседневной суеты, то это, конечно, полное искажение того, для чего даны эти дни. Если вы проводите эти дни за карточным столом, или за несдержанными возлияниями алкоголя, или за пересудами своих ближних, то это тоже искажение того, что вам дано для совершенно определенных целей. Искажение греховное и вредное вам самим.

Но если вы в этот день решили работать, чтобы помочь, например, своему ближнему, который нуждается в вашей помощи, если вы в этот день решили совершить путешествие, трудное для вас, чтобы навестить людей, нуждающихся в вас, если в этот день вы решили отдать свои силы на служение Церкви в той или иной форме, даже в виде подчас тяжелого физического труда, то такая работа будет уместна и благословенна в эти дни. Дело заключается не в том, работать или не работать в этот день, ибо такая постановка вопроса была бы

чисто формальной, а христианство не терпит никакого формализма в решении тех или иных вопросов. Дело заключается в том, как, для чего и почему мы хотим работать в праздничный или воскресный день. Ибо оправданность нашего поведения в воскресные или праздничные дни лежит в тех духовных целях и намерениях, которые положены в основу нашей воскресной деятельности. Именно той духовной закваской, которая будет положена в основу вашего поведения в Господень день, и будет оцениваться оно с точки зрения его греховности или праведности.

Господь в своем ответе начальнику синагоги указал на то, что и хранители формальной традиции, несмотря на запрет, занимаются в день субботний некоторыми повседневными делами. Это отчасти и неизбежно. Но весь вопрос заключается в том, отдадим ли мы минимум времени этой неизбежной повседневности в воскресный или праздничный день, или эта повседневность уведет нас на далекие пути, чуждые Церкви, уведет и засосет в своей тряпине.

В этом корень и сущность вопроса. "Суббота для человека, а не человек для субботы". Нам дана суббота для нас, для нашей духовной пользы, и наше дело правильно использовать ее.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Вестник Р.Х.Д. №135. Прекрасная статья А. Назарова про национальное возрождение, присланная из Москвы, свидетельствует о наличии в СССР интеллигенции высшего уровня, проникнутой правыми настроениями. О чем мы, впрочем, знали уже; помимо иного, — из того же "Вестника", из № 125, где подсоветские славянофилы дали победный отпор прогрессистам. У нас же, в Зарубежье, теперь господствуют принесенные 3-ей волной идеи космополитизма; увы! состав новейшей эмиграции контролируется ведь — и сколь эффективно! — болшевиками. Статья так хороша, что ее трудно цитировать, не приводя полностью. Напрашивается одно возражение, что в ней слишком поспешно приняты модные ныне обвинения старой России в угнетении других народов и прочих грехах; призывы к покаянию, сами по себе, всегда полезны; да не стоит же плакаться о небывших проступках!

Эскиз П.Андреева о жуткой смерти Блока страдает недоговоренностью (например, об унижительных обстоятельствах его семейной жизни) и непоследовательностью. Согласимся, что поэт умер от болезни скорее духа, чем те-

ла. Но в чем лежали ее корни? Полагаем: получив свыше *песен чудный дар*, он являлся никудышним мыслителем и своим талантом служил нередко не добру, а злу. Когда же, слишком поздно, это осознал, — не смог перенести. Курьезно замечание, что Блоку казался нестерпимым НЭП; ведь для всей страны онный представлял собою облегчение, глоток на миг воздуха в страшной, удушающей советской атмосфере, — перед скачком в крошечный ад...

Слабо впечатляют читателя академические рассуждения Н.Струве о неверии Цветаевой, (неправа, на ту же тему, и более умеренная В. Лосская). Поэты — существа многогранные; заключения об их взглядах, особенно религиозных, — шаг ответственный. Соответственным подбором цитат советские литературоведы и Пушкина с Лермонтовым превращают в богоборцев, а то и в атеистов. У Цветаевой найдутся (например, в "Белой Стае") истово благочестивые стихи; не лучше ли уж они отражают ее мирозерцание, чем данные тут выдержки из писем, разговоров, печатных высказываний разных эпох? Коробят, под пером Лосской, почтительные, хвалительные сентен-

ции по адресу А.С.Эфрон, сыгравшей темную роль в гибели своей великой матери и немало о ней нагвавшей в опубликованных в СССР мемуарах.

Жаль, что А.Солженицын в "Вестнике" печатает только исторические, а не беллетристические фрагменты из своего романа. Впрочем, картины нелепости и безобразия, характеризовавшие так называемую Государственную Думу, встают из его описания как нельзя более выпукло.

Зря журнал вводит дурное новшество (в оглавлении): передавать по-французски русское - *ский* в фамилиях через - *ski* вместо традиционного - *sky*. У старой системы то серьезное преимущество, что она позволяет сразу различать между русскими и польскими фамилиями (а оно иногда важно).

Тяжело читать "Письмо архиепископа Феодосия Л.Брежневу". Полтавский архиерей, защищая свою паству и благо Церкви, прибегает, — верно уж, поневоле! — к ссылкам на Ленина и заверениям в своей и всех верующих лояльности к советскому режиму... Бывает и ложь во спасение; но, воспроизведенная в нашей свободной печати, она до боли режет глаз. Отметим отрывки из "Синайского Патерика": сверхкороткие новеллы эти в несколько строк, имеют каждая законченный сюжет, четкую обрисовку характера, содержат порою и глубокую мысль.

"Борьба" № 82. Много места отведено истории Р.О.А. Очерк Б. Плюшова рассказывает о русских летчиках Освободительной Армии под командой полковника В.Мальцева. Трогательны отзывы этого последнего о Власове, в письме к жене: "Он очень прекрасный человек". (Автору сих строк случалось обоим видеть и слышать, на собраниях в Берлине). Плохо, что имена немецких военных даны тут с густым английским прононсом: *Холстерс* вместо *Гольстерс*, *Моелдерс* вместо (очевидно) *Мельдерс*. Т. Туманов вспоминает свою службу телохранителем при Власове. А.Д. резюмирует развитие и ход Власовского Движения, справедливо констатируя, что Власов "не создавал, а оформлял стихийно уже существовавшее движение". Но разумно ли сводить все, как он это делает, к узким рамкам школы в Дабендорфе и двух стрелковых дивизий, исключая остальных русских добровольцев, антипартизан, национальные отряды и пр.? При подобном подходе значение власовской акции необычайно сильно уменьшается.

Н. Штифанов, возражая С. Жenuку, утверждает, что можно спорить и с Солженицыным. Хочется ему ответить словами лесковского персонажа: "Можно, да не надобно". В частности, когда он, увлекшись, восклицает: "Может быть, Запад должен ринуться в Россию и освободить ее от коммунизма? Не дай Бог!" Если

Запад (все равно, по каким расчетам) нам поможет освободиться от большевиков, мы тому, безусловно, будем рады. Хотя надежды на такое мало. Тоже неубедительно мнение Штифанова о ненужности объяснять Западу разницу между русскими и большевиками. В нашей работе, допустим, это не *самое главное*, а все же — необходимая и важная вещь.

А. Федосеев, уже не в первый раз, пропагандирует построение будущей России по модели Швейцарии. Модель сия совершенно нам непригодна: если вообще Россия кому и может подражать, то лишь великим мировым державам. На Швейцарию же она ничем не похожа: ни размерами, ни историей, ни народным характером... Одобрим полностью возражения ему Д. Силаева, в том же номере "Борьбы". Зато отвергнем предположение этого последнего сохранить в послебольшевистской России... советский строй! Не веришь глазам; но да: он выкидывает вновь ленинский лозунг "Вся власть Советам!" Что из него получается, мы знаем по опыту и потому сошлемся на формулу известного анекдота: "Кому же это нужно, и кто же это выдержит?"

"Русское Возрождение" № 16. Подведем итоги эволюции данного печатного органа за последние месяцы. Вчистую исчезли мелькавшие прежде робкие намеки на монархизм; осталось абсолютное непредвзятость, стерильное и бесплодное, с неясными отблесками солидаризма. Настойчиво подчеркиваемая верность православию (слава Богу, прекратилось и прежнее рекламирование старообрядчества!) носит теперь какой-то бледный, абстрактный, неживой характер. Выпала заодно целиком литературная часть, стихи и проза. Все заменено сухими, наукообразными (впрочем, малосодержательными и поверхностными) профессорского типа исследованиями, для широкой публики непривлекательными.

В. Ростопчин вновь оспаривает авторство Шолохова, якобы присвоившего роман П. Крюкова "Тихий Дон". Но переделать чужой роман, изменив в нем идеологию, — еще труднее, чем сочинить сплошь! Противоречия в книге — скорее противоречия в душе автора, чем следы плагиата. Защищать Шолохова нам не к чему; однако, и ложные обвинения поощрять не подобает. Что бы следовало сделать, — это сравнить обстоятельно стиль и язык "Тихого Дона" с другими книгами Шолохова и Крюкова; подобный анализ, *sine ira et studio*, по-настоящему содействовал бы разрешению вопроса.

Выше остального в сборнике — статья В. Тростникова "Письма о болезни" с дельным разгромом кибернетики. Этюд Р.Плетнева о Достоевском поражает самоуверенностью, с коей рядовой литератор берется наставлять и исправлять великого (одного из величайших в мире!) писателя.

"Русская Мысль" (мы ей даем выбранное ею самоназвание, но считаем его решительно неподходящим) поместила огромную статью А.Синявского, бурлящую (кого это удивит?) злобными, клеветническими нападками на Россию и русских. Не станем с ним полемизировать. Он сам рассказывает об уже свершающейся над ним каре: во сне, когда он не в состоянии отгородиться хитросплетениями двусмысленных словес, он раз за разом слышит: "Ты — враг народа... ты — Дантес, который убил Пушкина... ты — ненавистник всего русского... ты — Иуда!" Это — голос вашей совести, Андрей Донатович! И от него вам нигде не уйти, куда ни кинься, как весьма удачно комментируете вы сами. Язык парижской газеты не на высоте, и все же до сих пор выгодно отличался от англоизированного жаргона русской прессы в США. В частности, неизменно писалось правильно *караиб*, *караибский*. Но в номере от 18 марта мы находим чудовищное *Карибское море*! Если можно находить извинение английскому акценту русских американцев, — в Париже-то он никак недопустим! Французы такого рода тарабарщину называют *franglais*. А как следует окрестить наречие нашей зарубежной прессы? Предложили бы термин *янк-русское*. Отчего вместо *Сан Висенте* "Русская Мысль" пишет *Сан Винцентэ* (!) остается только гадать; впрочем, газета издавна в больших неладах с испанским языком.

Специального внимания заслуживает статья А.Лишке "Исторический факт", нацеленная на дискредитацию монархистов, презрительно обзываемых *ихтиозаврами*, и на оправдание казни царя Николая II. Оказывается, расстреляли не помазанника Божьего, а всего лишь *человека Николая Романова*. И впрямь: палачи жертву всегда предварительно лишают титулов, чинов и званий; не король, а *Луи Капет*; не патриарх, а *гражданин Беллавин*. Умнее всего реагировал на этикие юридические трюки Карл I, воскликнув на своем процессе: *I am not an ordinary prisoner*. Но в чем же обвинять *человека Николая Романова*? Поистине, кроме своего царского ремесла, он, добрый отец, верный муж, ласковый хозяин, никого за жизнь не обидел! Отвернемся с гадливостью от недостойного поношения человека, за кем, если и отрицать ореол святости, останется венец мученичества. И, раз г-н Лишке любит зоологические сравнения, скажем ему, что он мал ростом для ящера или птеродактиля, а смахивает на гиену, или еще скорее — на хорька.

"Новое Русское Слово". Мягко выражаясь, в высокой степени антипатичное эссе Г.Адамовича "О Пушкине" вряд ли повредит памяти великого поэта; и уж верно ничего не прибавит к чрезмерно преувеличенной в известный момент, — по счастью, бесповоротно миновавшей, — репутации псевдовеликого литератур-

ного критика (и бесталанного стихотворца; на этом-то, кажется, все сходятся). Пушкину *курили фимиам* (что ужасно раздражает Адамовича) столь крупные и между собою различные люди, как Тургенев и Достоевский, Цветаева и Есенин. Так что фраза, коей Адамович столь гордится, что не стесняется сам себя цитировать: "Поклонник Пушкина, но человек неглупый", она-то и вовсе неумна. С ужимками пуританина он клеймит Пушкина словом *грешный*; сдается, себя этот аморальный эстет, подлинно стоявший по ту сторону добра и зла, искренне мнил *безгрешным*!.. Смешны и потуги унизить Пушкина определениями, вроде *страшно оскалившийся апап*. Амфитеатров точно отметил об Александре Сергеевиче, в романе "Сестры", что тот "гордился и хвалился своим африканским происхождением"; в силу чего, вероятно, усмехнулся бы на сей пакостный расистский выпад. Где истоки время от времени прорывающейся лютой ненависти к воплощению русского гения, создателю лучших по-русски стихов, человеку, которого Николай I проницательно назвал *умнейшим в России*, — не знаем (а интересно бы...); но кидается в глаза, что она постоянно сочетается с крайней разнузданностью и безнравственностью у ее носителей.

Изумляет, в статье Г.Сивориновского о Карлсбаде, утверждение, будто на этом курорте бывал — и даже неоднократно! — Пушкин, о котором общеизвестно, что он никогда за границу не выезжал... Или речь идет о каком-то другом Пушкине? Но тогда бы надлежало проставить инициалы.

Трудно примириться со все прочнее внедряющейся в газете небрежностью в передаче иностранных имен. Когда испанских и португальских, можно бы еще это невежество оправдывать. Но вот гаитянского президента называют *Дювайе* вместо *Дювалье*; и это уже стыдно; французский язык, как-никак, один из мировых. Впрочем, даже русское имя известного Бориса Карлова, превращается в... *Карлофф*! Немудрено уж, что столь же знаменитый венгерский артист Бела Лугоши именуется *Лугоси*...

Не пристало клеветать и на бесов! Б.Филиппов негодует: "Советская привычка... из любого имени (а имя — вещь глубоко личная, священная) делать Мишку, Машку, Ваньку, Таньку — глубоко заложена в самой психике времени: человек утратил свое первородство..." Да наш крестьянин своих детей безо всякой обиды звал Мишками и Таньками со времен крещения Руси (а до того, почитай, — всякими Славками и Мирками); и как обращение между молодежью сей обычай не чужд и интеллигенции; вспомним чеховского доктора Коростелева, со скорбью восклицавшего над трупом лучшего друга: "Оська Дымов, Оська Ды-

мов! Что ты с собою сделал?" Если Б.Филиппова ни родные, ни товарищи никогда с любовью не называли *Борькой*, — пожалеем его! А уж большевики тут решительно ни при чем...

"Грани" № 122. Приятно, что тут все стихи — хорошего качества, хотя друг на друга совсем и непохожие: Ю.Домбровского, И.Елагина, Л.Владимировой и Л.Друскина. Рассказы, наоборот, сплошь среднего сорта, неплохие, но и не выдающиеся: А.Антоновича (вариант "Старосветских помещиков" на новый лад), Е. Цветаева (гротеск в его обычном стиле, но слабее обычного) и И.Шенфельда (об эмигранте-поляке, посещающем, то ли во сне, то ли наяву, родимый город; во сне-то мы все там часто бываем...) Сильнее остального "Ловушка" Л.Тимофеева, о судьбах партийцев нижнего яруса в СССР. Любопытен поэтоочерк Ю. Иоффе о покойном Н.Глазкове, писавшем в Самиздате и Госиздате (талант и искусство у него неоспоримы; но принадлежат ли к настоящей поэзии его стихотворные парадоксы, шутки и пародии?).

Не без волнения прочел я повествование М.Шнеерсон о профессоре ЛГУ Г.А.Гуковском; он был и моим учителем, и я сам мог бы написать: "Помню, как он стремительно входил в аудиторию и взбегал на кафедру. Аудитория не вмещала всех желающих. Заранее занимали места. Опоздавшие сидели на подоконниках, стояли у стен, за раскрытой дверью..." Правда, знал я его меньше, чем Шнеерсон (и в другой период, раньше): нам, западникам, он читал лекции по русской литературе и принимал экзамены; для нее же был руководителем в живой работе. Однако в ее рассказе о гибели подсоветского ученого, мне знакомы не только фигура жертвы (и, даже ближе, его жены: она нам преподавала старо-французский язык), но и одного из главных его преследователей, А.Дементьева. Этот партиз от науки, не брезговавший черными поручениями, проводил раз у нас беседу об отмене стипендий, для многих студентов представлявшей собою катастрофу, пытаясь доказать правильность сей меры. Что до роли его в "Новом Мире", она была менее положительной, чем думает Шнеерсон; см. "Бодался теленок с дубом" Солженицына. Она подробно останавливается на заслуках Гуковского как литературоведа; для меня же он, в первую очередь, — блестящий лектор: книги его не передают обаяния его речи (и Дементьев был, впрочем, способный лектор; да Гуковскому не чета!). Но вот, что Шнеерсон обходит, это — иная трагедия подсоветских интеллигентов (из коих не все умирают в тюрьме, как Гуковский): необходимость лгать и приспосабливаться (и хуже всего — в сфере истории литературы). Как это переносил Григорий Александрович, что испытывал в душе — не представляю себе; и жаль,

что ближе с ним связанная Шнеерсон не передает...

"Континент" № 29 стоит прочесть ради замечательной статьи Б.Парамонова "Уроки Запада"; лучше этого в журнале ничего еще не появлялось. Исключительно умный анализ происходящего в США и в Европе автор заключает мрачной фразой: "Современный Запад ничему нас научить не может, потому что его настоящее и даже будущее — это наше прошлое".

Стихи И. Бродского (на сей раз), Е. Хорвата, Ю. Колкера и Е. Игнатовой — посредственные; Д. Савицкого — гораздо лучше; хотя и испорчены нелепой манерой опускать знаки препинания. Рассказ Ф. Горенштейна "Яков Каша" есть каша преневкусная; как выражается центральный герой, "без смальца". Более странно, что "Свяжск", принадлежащий перу бесспорно талантливого В. Аксенова, и с похвальными (хотя и приглушенными) религиозными интонациями, — смертельно скучен...

И № 30. С крайним огорчением констатируем дальнейший упадок в писательском творчестве В.Максимова: начало его нового романа "Чаша гнева" выдержано в тонах газетного очерка (о Северном Кавказе под советским игмом); нечто бледное, вялое и серое... Очевидно, занятие публицистикой для автора плохо совместимо с созданием художественных произведений.

Живые струи русской поэзии, пробиваясь повсюду, оросили и "Континент". У Л.Друскина, М.Рохлиной и В.Рубина попадают недурные строфы; нельзя отрицать технического мастерства в "Римских элегиях" И.Бродского. Удачны переводы из эстонских поэтов А.Семенова. Любопытно, что он перевел из У.Мазинга то же самое стихотворение, что и С.Семенов (что за совпадение в фамилиях!); но перевод того, опубликованный в № 1 "Ковчег" был выполнен несомненно лучше.

Очерк М.Володарского "К 60-летию советско-афганского договора" богат ценными сведениями.

"Заметки о Радио Свобода" К.Хенкина (по правде сказать, неожиданно!) дают отличную, умную и неопровержимую критику американской пропаганды для СССР. Ю.Мальцев весьма дельно громит диссидентских западников, социалистов и прогрессистов, а заодно и сионистов (преимущественно тех, кто проповедует ненависть к России). Однако нападая на славянофилов, он сразу становится необъективен и бездоказателен. Серьезные возражения данному лагерю, где есть и ошибки, были бы полезны; но эмоциональные и голословные вспышки гнева, как тут, — ничему не служат. Например, утверждения о безрелигиозности русского народа несправедливы и упрямо опровергаются жизнью; отошлем Мальцева к статье Назарова в "Вестнике Р.Х.Д." (см. выше); на-

счет же пьянства — к Некрасову (настоящему, Николаю Алексеевичу, то есть): уже тот знал, что мужик пьет с горя, когда нет выхода из нужды. То же и с обвинением всего (!) русского народа в одичании, хамстве и пр.; какой не одичает в условиях, на которые наш обречен? Дайте ему иную жизнь; тогда и посмотрим.

"Наша Страна". Со смертью А.Макриди не только аргентинская газета потеряла лучшего сотрудника, но и все Зарубежье одного из наиболее талантливых журналистов, принадлежавшего к числу 5–6 самых культурных и одаренных в эмигрантской прессе. К той же первой пятерке относился, в другом лагере, и недавно скончавшийся С.Рафальский. Два подряд тяжелых удара наводят на мысль, что на том свете понадобились русские журналисты высшего класса; каковых, на беду, на земле мало осталось.

"Новый Журнал" № 145. Литературный отдел отмирает, уступая место публицистике. Миниатюра М.Дубинина "Соседка Пушкина" сделана без претензий, но правдиво (выгодно отличаясь ото всяких Сомовых). Рассказ Ю.Кроткова "Козел отпущения" грубо неприличен; чего в "Новом Журнале" доселе не важивалось. Стихи И.Елагина и О.Ильинского на высоком уровне, хотя и не из лучших у них; стихи же В.Перелешина, И.Чиннова и А.Величковского — на среднем. Литературоведческие статьи и публикации в номере — вряд ли увлекут широкую публику. Интереснее всего остального — живо написанные мемуары скрипача и музыковеда М.Гольдштейна. Хороши и симпатичны письма художницы З.Серебряковой. Из статьи Б.Сегала "Встреча с Америкой" выпишем следующие верные мысли: "Противоположная культуре механическая, безрелигиозная цивилизация убивает духовное начало в человеке... безрелигиозный гуманизм неизбежно вырождается в антигуманизм". Непонятно, зачем перепечатана старая статья социалиста Г.Федотова с желчными нападками на монархию вообще и царскую Россию в частности.

Воспоминания Р. Гуля о *России в Париже* касаются периода и мне знакомого по опыту; могу подтвердить некрасивую роль Г. Адамовича в 40-е годы, на амплуа совпатриота. Рассказывая о меньшевике И. Церетели, Гуль передает отзыв того о нашей новой эмиграции (многим из которой сам Гуль активно помог): "Я уверен, что из них половина провокаторов". Провокаторов *среди нас* было на редкость мало. Вот теперь...

"Синтаксис" № 9. Центральный русскоязычный орган неомарксизма в Зарубежье гнет свою партийную линию. Е.Эткинд, начав с законных профессиональных жалоб литературоведа на оторванность СССР от Запада, произво-

дит затем недопустимое отождествление: уравнивает советский *запрет на религию* с цензурными ограничениями упоминаний о позорных слабостях и пороках великих писателей, музыкантов и пр. Тут имеются *две большие разницы*. Сам Эткинд (прельщенный лаврами Синявского?), цитируя непристойные юношеские стишки Пушкина (кои тот уж, верно, не пожелал бы видеть в печати!) и повторяя о нем сплетни врагов и глупцов (со ссылками на устарелую и лишенную научной ценности книжку Губера), ясно показывает, что некоторая узда в сфере публичности все же необходима. К.Левин яростно бранит замечательную работу В.Тростникова "Мысли перед рассветом" с позиций воинствующего атеизма, стараясь через нее лягнуть движение Русского Религиозного Возрождения. А.Бережнов нападает на недоступные нам стихи В.Сидорова, изданные в Москве, опять же за религиозные в них мотивы; судя по приведенным выдержкам, стихи чудесны, ядовитый же их разбор рецензентом тенденциозен и необоснован.

Ч.Милош ностальгически вспоминает о старой Вильне своих детства и юности; Т.Венцлова — с дрожью ужаса — о Вильне советской. Оба их очерка можно бы опубликовать в любом русском или польском журнале; к "Синтаксису" они мало подходят. Пара замечаний о переводе (в целом, весьма неплохом). Нельзя писать *Бочаньский*, *Бачиньский*: ь надо похерить; нельзя *Сребрны*, а надо *Сребрный*; *жемайтец* по-русски будет *жмудин*.

Мысли Г.Померанца о Достоевском — пестрая смесь; кое-что верного, много неверного (пороку и скверного); а больше всего не идущего вовсе к делу, как натянутые аналогии с буддизмом и китайской философией.

"Поиски и размышления", № № 1 и 2. К этому московскому, издающемуся в Париже, общественно-литературному журналу, советуем читателям не прикасаться, или же потом тщательно мыть руки. Ненависть к исторической России (см. редакционную статью в № 2), к Солженицыну, к эмиграции всех призывов и к той части диссидентов в СССР, которая всерьез антикоммунистична, как Ф.Светов и И.Шафаревич, — вот его конек. А духовные его вожди, по ту и другую сторону Занавеса, — Синявский, Померанц, Лакшин (известный нам из "Теленка"). Для приманки же и пускания пыли в глаза, в ход идут Евтушенко, Ахмадулина, Окуджава и др. того же типа.

"Голос Зарубежья" № 24. Из повторных протестов В.Ингула видно: он враждебен всем родившимся или выросшим в советской России, независимо от их взглядов. Точка зрения, по мне, несправедливая (кто выбирает себе место и время рождения?), но не новая: так же относились ко второй эмиграции отдельные окостеневшие представители первой. Только,

будучи последовательнее, они скидки на возраст не делали. Помню очень милую старушку из СССР, вдову царского генерала, со слезами мне передававшую насмешки над нею эмигрантских дам; да и сколько еще примеров! Так что Ингулу могло бы довестись на себе

испытать огульное презрение к *советским*, каковым дышит его перо.

P.S. В прошлом обзоре надо читать: *овечку*, а не *свечку (!)*; *geповare*, а не *rehovare*. За прочие ошибки прошу прощения у читателей: я не имею возможности предотвратить искажения.

РЕЦЕНЗИИ

Ф. Мельников. "Откуда произошла вера в Бога" *

Говоря о закономерных явлениях, благодаря которым существует вселенная, запуганные советские профессора утверждают, что "источником закономерностей в природе является сама материя". Так дословно и сказано! (см., напр., "Настольная книга атеиста", М. 1975 г., стр. 401). Против таких фантастических заявлений восстает Мельников, описывающий диспут в селе Покровском вскоре после большевистского переворота. Его небольшая брошюра хорошо составлена. На длинные рассуждения марксистов он возражает краткими и ясными доводами, руководствуясь правилом: — "В многоглаголении несть спасения".

По замечанию Маркса, даже самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что "прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове" (там же, стр. 403).

Возможно, что именно это марксистское суесловие и побудило Мельникова сделать главным героем своего рассказа пчеловода Лукича. В начале беседы Лукич говорит коммунистам: "Пчела может пристыдить своей работой даже ученого архитектора. А еще мудрее она собирает и кладет мед. Этого уже не могут сделать все ученые люди всего света". Дело, конечно, не в одном только строительстве сот, о котором говорит Маркс. Лукич дальновиднее Маркса, и поэтому он справедливо указывает также и на другие замечательные примеры пчелиного труда.

Чтоб предохранить мед от брожения, пчелы добавляют к нему точно рассчитанное количество сложного противогнилостного вещества, химический состав которого был исследован лишь недавно. Иногда, в начале холодов, в нижнюю часть улья забирается мышь и там умирает. Вытащить ее из улья пчелы не могут.

Поэтому они изолируют ее, облепляя воском. Мертвая мышь может лежать там годы и пчелам не мешает. Воск превосходная изоляция. Так уж его пчелы готовят. Маркс об

этом ничего не знал до своей кончины от коротости в 1883 г.

Оппонент Лукича, пропагандист Матюнин, отвечает без запинки, но по шаблону, приписывая все инстинкту пчел. Его ответы характерны для марксистов. На любые вопросы, имеющие отношение к сущности мироздания, марксисты, как правило, отвечают бойко, но ограничивают свои ответы длинными рассуждениями о том, как закономерно движется, живет и развивается мир. Одновременно они старательно уклоняются от обсуждения вопроса о происхождении тех закономерностей, на которые они сами ссылаются. Об этом говорит автор устами Лукича (в то время Лукич еще не обязательно рисковал бы собой как "враг народа" за возражения против "научной" теории).

Автор хорошо понял марксистов. Повторение ими (в данном случае Матюниным) на разные лады спасительного слова "инстинкт" — примитивная уловка фанатиков, преданных материалистическому суеверию. Но эта уловка ничего не доказывает и ничего не объясняет. Чтоб изолировать мертвую мышь, нужна сообразительность. Чтоб построить соты, нужны архитектурские план и знания. А чтоб изобрести состав и рассчитать количество вещества, предохраняющего мед от брожения, требуется лабораторная работа специалистов, получивших высшее образование. Все эти проблемы свободно разрешаются насекомыми. Пчелами...

Как истый марксист, Матюнин хватается за слово "инстинкт". Однако это не всегда помогает. Матюнину приходится признать, что загадочный инстинкт животных на тысячелетия опередил науку людей. Ведь ученые только теперь разбираются в целесообразности пчелиных тайн, тогда как инстинкт руководит пчелами с давних пор.

В вычислении формулы пчелиной дезинфекции, как и в построении сот, сборе и производстве меда и воска, нельзя отрицать наличия мыслительного процесса. Итак, за чудотворным инстинктом кроются мысли. Даже Маркс, сравнивая пчелу с архитектором, был вынужден признать разумность построения ячеек за

* Издание: RUSSIAN ORTHODOX HOLY TRINITY MONASTERY, Jordanville, N.Y. — U.S.A.

тысячелетия до появления среди людей архитекторов. Таким образом, "научный" атеизм, отрицая наличие Существа, более совершенно, чем человек, признает наличие мысли, бесконечно более совершенной, чем мысль человеческая. Такова логика марксистской псевдонауки.

Отрицая существование Законодателя и Творца, марксисты даже и не пробуют доказать, что Его нет. Ведь такие попытки противоречили бы их голословным, но безапелляционным, претензиям на неопровержимость "научного" атеизма (см. "Основы марксистской философии" и т.п.).

Но неужто ж безбожие и впрямь наука, а безбожники ученые? Если это так, то чем же объясняется наличие малограмотных и неграмотных безбожников?

Лукич не профессор, но правда на его стороне. То, что в рассказе Мельникова говорит крестьянин Лукич, подтверждается мнением знаменитого физика М. Планка — нобелевского лауреата и основателя теории квантов.

Планк утверждал, что "религия и наука не исключают друг друга, как некоторые думают или опасаются в наше время, — они дополняют друг друга".

Таких ссылок в брошюре Мельникова много. Приведем некоторые из них:

"Мозг муравья это — чудо, быть может большее, чем человеческий мозг". (Дарвин)

"Мы по необходимости должны признать беспредельный и вечный Разум, управляющий океаном жизни". (Пирогов)

"Когда мы изучаем жизнь насекомых, то встречаемся с инстинктом, развитым до такого совершенства, которое соперничает с умом человека и даже превосходит его". (Бергсон)

"Мог ли глаз быть образован без всякого знания оптики или ухо без знания законов звука?" (Ньютон)

Марксисты обыкновенно избегают Ньютона — гениальнейшего из ученых.

Декарт (не чета марксистским "философам"!) справедливо утверждал: чтоб мыслить, надо существовать. Против этого не возражает даже марксизм. Стало быть, существует Кто-то, придумавший вещество, предохраняющее мед от порчи, рассчитавший план построения сот, и так далее, до бесконечности! На этом настаивает Лукич, когда просит Матюнина: "Не скрой же ты, почтенный, пчелиного Учителя, скажи нам: кто это такой научил пчелу великой мудрости?.. Кто этот Учитель, который даже неразумных и бессознательных насекомых заставил делать чудные и мудрые дела? Кто?"... Весь мир полон таких чудес.

Но Матюнин — марксист, т.е. человек, прежде всего верящий в атеизм. Ему трудно отказаться от своей веры.

Марксисты не могут отрицать законов, ор-

ганизирующих материю. Им хотелось бы доказать, что эти законы (т.е. мысли) присущи материи. Но доказать это невозможно. В это можно только верить. Никаких материальных источников мысли, кроме мозга, нет. Всякая иная материя мыслей не порождает. В связи с этим возникают вопросы: чем объяснить разумность законов, организующих живую и мертвую материю? Законов, которые придумал не человек, а Кто-то другой? "Как быть, когда нечеловеческая природа ведет себя разумно?" * Согласно какому плану она ведет себя разумно? Если плана нет, то почему, например, пятилетка — план, а существование вселенной не план, а случайность? Когда вообще так бывало, чтоб случайность вдруг начала создавать гениальный порядок?

Верно, конечно, что против идеи возникновения законов без Законодателя мало кто возражает в тех случаях, когда сбоку находится политическая полиция, которая неопровержимостью этой идеи "доказывает". Монополия на истину великая вещь! Однако нужна фанатическая вера, чтобы вообразить, что окружающий нас мир появился случайно и существует миллиарды лет благодаря законам, каким-то волшебным образом присущим материи. Генсек Л.И. Брежнев так и сказал: "... верим в святую правду наших идеалов" ("Комсомольская Правда", 4.3.81). Ему вторит "Пекинское обозрение", заявляя: "Религия существует, ибо человек не может понять объективные законы природы" (16.11.81). Остается только удивляться тому, как хорошо научились китайские марксисты манипулировать магическим термином "объективный", тщательно при этом избегая каких бы то ни было доказательств. Согласно марксизму разум нужен, чтобы понять и объяснить мир, а для возникновения, организации и дальнейшего существования мира разума якобы не требовалось.

Основа марксизма — атеизм. Кто не верит в атеизм, тот не марксист. Для достижения монополии на истину провозглашается монополия проповеди, — так называемая "свобода атеистической пропаганды".

В борьбе против марксистской проповеди Лукич выиграл сражение. Благодаря ему в селе Покровском восторжествовала Правда. Покровчане восхищаются, говоря: "Всюду-то он видит премудрость Божию. А мы, вот, слепые люди, не видим. Под самым нашим носом творятся чудеса, а мы даже не замечаем их".

Коммунист Матюнин, наконец, отказывается от веры в атеизм. Его последние слова: "Разумный мир создан Великим, Всемогушим Разумом. Разумное может быть и может происходить только от разумного... Первый и неутомимый враг безбожия есть разум. Подобно

* См. "Голос", № 33—34, стр. 70, П. Модесто.

солнцу, уничтожающему своим ярким светом мрак и темноту, разум рассеивает безбожие, как туман”.

По дороге из села в город политрук убивает Матюнина за измену безбожью. Но ложь, тупость и мракобесие безбожия сгинули в Пок-

ровском. Покровчане вспоминали Матюнина, говоря: ”Потому-то он и уверовал в Бога, что много знал”. Русские люди молились за упокой его души и смерть его считали мученической.

Г. Алексенко

Дора Штурман ”Наш новый мир” (теория, эксперимент, результат) Иерусалим, 1981 г.

В письме к воображаемому читателю автор пишет: *”Мировоззрение наше формировалось в поле магически-неотразимого воздействия непрочитанных книг, воспринятых в тенденциозном пропагандистском пересказе, приспособленном к мироощущению воспитуемых.*

Магия пересказа преодолевалась нами посредством прочтения всех этих томов, как говорится, от корки до корки, во множестве переизданий, с дополнениями, документами и комментариями, заключенными в них.

Исследование началось как попытка освоить самостоятельно и полностью священные тексты марксистских первоисточников, догматы которых упорно не воплощались в жизнь.

Как все истинно верующие, усомнившиеся на горе и стыд себе самим, прежде всего мы перебрали все, что могли найти и сказать в оправдание наших законо- и вероучителей. И они в конце концов собственными своими устами произнесли неопровержимые обличительные монологи против себя самих, против собственного учения”. (стр. 11–12)

Кто это ”мы”? Группа вокруг автора. Если это ”мы” понимать так, то нет не только возражений, но и уточнений. Но текст звучит так, как будто он написан от имени целого поколения или даже нескольких поколений. Если б это звучало так только в этой книге, то и тогда мы бы не стали отвечать на эти строки. Но такое отождествление собственного опыта в гораздо более ясном смысле, чем это высказано у тонкого и глубокого мыслителя Доры Штурман, есть и у ряда других авторов из третьей волны.

Поэтому следует данному описанию положения нашего поколения противопоставить другое. Я из того же поколения, что и автор. Я значительно раньше нее попала за границу, но выросла еще в Советском Союзе и смогла проучиться там три года в университете. И вот, если б я села писать такое письмо неизвестному читателю, я написала бы: ”За разочарованием в действительности строившегося социализма последовало очень скоро разочарование и в идеологии. Почти интуитивно схватив и отвергнув основные идеи марксизма, мы не имели ничего положительного, что дало бы нам смысл жизни. Мы внутренне метались, стараясь раздобыть произведения немарксистских

философов, что в сталинское время было несравненно труднее, чем теперь. Марксистские тексты мы читали через силу и с отвращением, по необходимости сдавать экзамен по марксизму-ленинизму. Они казались нам скучными и нелепыми. Позже, уже в свободных странах, мы читали эти тексты по научной добросовестности, т.к. нашей судьбой оказалась пожизненная борьба с теорией и практикой марксизма”.

Кто это ”мы” во втором тексте? Это те группы школьников и студентов, среди которых вращалась я. Были это единицы? У нас не было такого впечатления. Время моего студенчества было одним из самых страшных, так что широко мы своих мнений разглашать не могли, но тем не менее мы, 17–18-летние, только что вступив в университет, почти сразу сплотились в группу (хотя и прибыли из разных мест), которая так мыслила. Были ощутимые сигналы, что вроде этого думали и ощущали многие. На том курсе математического факультета Ленинградского университета, где училась я, 50% студентов не были в комсомоле. Не была в комсомоле и я. Встретить среди студентов серьезно верующих в марксизм мне лично не пришлось. С карьеристами встречаться приходилось.

Я ни в коем случае не буду утверждать, что таких, о которых пишет в своем письме читателю автор книги, не было и вокруг меня. Но их было не так уж много. И их никак нельзя отождествлять со всем поколением.

Не говоря о том, что я могу представить себе и третью вариацию воспоминаний нашего современника: ”Отвергнув марксизм я нашел (нашла) в вере, в христианстве смысл жизни”. Были и такие, которые уже в молодые годы нашли веру. Я к их числу не принадлежала, а потому много о них писать не могу.

Вступлению к книге я посвятила так много внимания потому, что считаю опасным создавать впечатление, будто все поколение, воспитанное насильно в марксизме, было действительно, хотя бы некоторое время своей жизни, марксистским.

Перейдем, однако, к самой книге. Печальное преимущество тех, кто верил в марксизм, это то, что они доскональнее, чем мы, прочли

его классиков. Всей научной добросовестности не хватало для того, чтобы, преодолевая отвращение и зевоту, читать все тексты, даже те, где, в основном, повторялись уже знакомые мысли. Но для анализа это важно.

Однако все эти тексты надо не только читать, но и уметь в них вдуматься. Это удалось автору книги особенно хорошо. Цитатами и вдумчивым анализом Д. Штурман показывает, что уже в самой теории заложены те элементы, которые на практике привели к таким страшным и одновременно плачевным результатам. В главе "Великолепная теория" прекрасно проанализированы основные понятия марксизма: "класс", "уничтожение классов", "диктатура пролетариата", "социалистическая революция", приложены схемы, много цитат, ясно показана абсурдность самой теории, а не только практики.

Но зачем это для русского читателя? — спросит, может быть, кто-нибудь. Разве здесь есть марксисты? Да, есть, хотя и с некоторыми вариациями. И все еще есть они "там", а ведь книга написана и для них. Быть может, дойдет?

Во второй части "Бюрократическая утопия", показана действительность, построенная по "великолепной теории", тоже с большим количеством конкретных данных, цифр, схем, диаграмм. Читателям нашего журнала многое уже известно, т.к. главы из этой интересной книги печатались в "Голосе Зарубежья" (№№ 10, 11, 15, 19). Мы считаем, что анализ сделан глубоко и точно, подтвержден фактами, и что такой анализ для читателя в эмиграции необходим, несмотря на то, что она десятилетиями имела возможность опровергать марксизм. Чисто духовно, философски это было сделано крупными мыслителями первой волны, Вышеславцевым, Франком, Бердяевым и др. Но экономически и политически, как это ни странно, имеется еще дефицит. Многим из представителей эмиграции казалось, что жизнь так наглядно опровергает марксизм да и социализм вообще, что и углубляться в это не стоит. Но, оказывается, стоит, т.к. жизнь сама далеко не для всех оказалась столь уж наглядной.

Главу о демократии мы в несколько сокращенном виде тоже печатали в нашем журнале. Я считаю, что она дает для многих неожиданно оригинальное определение демократии, так что здесь автор книги безусловно совершенно своеобразен.

В печатавшейся в журнале главе не было отдела "Нравственность партократии". Этот отдел, по нашему мнению, очень важен. В нем показана схожесть различных партократий и различных социализмов. Не забудем, что и партия Гитлера называлась социалистической, национал-социалистической. Д. Штурман приводит высказывание Гитлера о социалистах: "Социа-

лист — это тот, кто готов стоять за свой народ всеми фибрами своей души, кто не знает более высокого идеала, чем благо своего народа..." (стр. 311). Звучит как будто даже красиво, но здесь то же самое абсолютирование народа (создание себе кумира), какое встречается и поныне нередко, возьмем хотя бы слово неизвестных "патриотов", о которых говорится в статье "Легенды о Сталине": "Нация для нас первична". В результате этого абсолютирования народа страдает всегда тот же обожествленный народ, т.к. от него требуют, чтобы он стал таким, каким он должен быть по соответственно сконструированным представлениям тех, кто намерен устроить его благо или кто видит в нем первичность всех вещей. А так как живой конкретный народ, живая конкретная нация этим требованиям никогда не удовлетворяет, то ее начинают втискивать в прокрустово ложе "идеального" представления. Результаты известны.

Д. Штурман права, когда она пишет: "Приходится снова и снова делать вывод: порочно любое воинствующее и принудительное для окружающих избрничество: расы, народа, класса, партии, церкви, личности..."

Любая всеобъемлющая монополия, какой бы она ни была в истоках своих безобидной, благородной и соблазнительной, оборачивается реками крови. Она никогда не оказывается в состоянии выполнить свои обязательства, справиться со своими задачами и неизбежно заболевает смешанной манией преследования, величия и убийства. При этом губительным было бы не помнить, что коммунистическая партократия с изначальных своих истоков декларирует цели свои как цели всемирные и что она никогда ни теоретически, ни практически от этих целей своих не отказывалась" (стр. 313).

В этой главе показана ситуация человека в тоталитарном режиме, прежде всего коммунистическом, и трагическая судьба как сдавшихся — трагическая в смысле уничтожения их духовной личности, что страшнее физического уничтожения ("Какой выкуп даст человек за душу свою?"), так и несдавшихся, уничтоженных физически.

Перевод на английский или немецкий язык последней главы, анализирующий книгу Ленина "Государство и революция", я лично особенно жду. Время от времени (как раз в этом летнем семестре) я провожу в Мюнхенском университете со студентами упражнение относительно идеи государства у Ленина и ее практическом применении в годы его диктатуры. Должна сказать, что студентов трудно научить анализировать текст этой книги так, чтобы для них выяснилось то, что в ней на самом деле заложено. У выросшей в условиях свободной демократии и материального благополучия мо-

лодежи отсутствует сила воображения для того, чтобы представить себе, что могут дать красивые слова на практике. Картина меняется, когда мы переходим к историческим фактам. Помню одну довольно левую и симпатизировавшую Ленину студентку, которая взяла реферат о Кронштадтском восстании. Она, излагая свою тему, уже пылала негодованием по отношению к Ленину, и ее левизна исчезла полностью. Да простит мне читатель этот экскурс в область моего педагогического опыта в рабо-

те со студентами. Если бы я хотела получить главу из рецензируемой книги на одном из тех языков, которыми обычно владеют немецкие студенты, чтобы дать им ее в руки, то, думаю, это достаточно говорит в пользу этой главы.

В заключение посоветуем еще раз всем, кто понимает, насколько важны эти проблемы, прочесть книгу Доры Штурман.

В. Пирожкова

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В СОВЕТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ... К СУДУ НАД ИСТОРИКОМ Арсением РОГИНСКИМ

Народы России не признают правомерности суда над русской историей и одним из ее летописцев. Русская историческая наука, переживающая 65-й год своего заточения, выдержит и этот новый непродолжительный приговор незаконного правительства. Пересаажав историков и истребив документы, — не уничтожите летописи изуродованной вами страны. На тепле многослойной лжи и обмана — да возродится История!

Декабрь 1981 г. Ю. Фельштинский, Бостон

ПОЯСНЕНИЯ К СТАТЬЕ О БЕЛЫХ АРМИЯХ

Многоуважаемая Вера Александровна!

Письмо в редакцию г. Н. Дорошина, опубликованное в "Голосе Зарубежья" № 24, в котором он обвиняет меня в том, что в своей статье "Четыре белых армии и Испанская фаланга" я, мол, "неправильно отобразил борьбу белых с красными на юго-востоке Европейской России", вынудило меня внести некоторые пояснения, прочитав которые, надеюсь, г. Дорошин поймет, что его утверждение основания не имеет.

Прежде всего, в своей статье я вообще не писал о борьбе на восточном фронте белых с красными, а лишь о военных действиях Народной армии учредилловцев. И если для солдат и офицеров Народной армии не имело значения, как их называют, то для их руководителей, социал-революционеров КОМУЧа, обозначение "белые" было не менее враждебно, чем "красные". Позднее члены КОМУЧа выбросили лозунг: "Лучше с Лениным, чем с Колчаком". Итак, о борьбе белых на Поволжье я не писал. Кроме того, я писал о граждан-

ской войне на среднем Поволжье и северном и среднем Урале, а не в юго-восточной Европейской России, которая начинается от Саратова вниз до Астрахани и на восток к берегам реки Урала. Следовательно, не касаясь борьбы белых и гражданской войны на юго-востоке, я и не мог отобразить ни неправильно, ни правильно борьбу белых с красными в этом районе.

Видимо, г. Дорошин не очень внимательно читал мою статью, ибо в противном случае, если он не имел злого намерения, он вряд ли написал бы: "На этом гражданская война на Поволжье и Урале, по Нефедову, закончилась!"

У меня ясно сказано, что через 3 месяца Народная армия перестала существовать, о чем написал и советский главнокомандующий Вацетис: "В первые дни октября армия Учредительного собрания (т.е. Народная армия, — Н.Н.) была ликвидирована". Однако утверждение о конце Народной армии ничего общего с концом гражданской войны на Урале не имеет — об этом я не написал даже намеком, и, следовательно, "по Нефедову" она не заканчивалась, как это пытается приписать мне г. Дорошин. Наоборот — я отметил, что остатки Народной армии, в том числе и бывшие в ней казачьи части, перешли на службу к Колчаку. А коль перешли под командование адм. Колчака, то ясно — не для того, чтобы закончить борьбу против красных, а чтобы ее продолжать. Зачем же передергивать?

Но я все же внесу некоторые пояснения: Народная армия перестала существовать не только потому, что она была разбита 5-ой советской армией, костяком и ударными частями которой были Латышские стрелковые полки. Сильно потрепанные части учредилловцев отступили на Урал. Дело в том, что после образования в Самаре КОМУЧа, в Омске группа офицеров приступила к формированию отдельной армии, которая вначале называлась Сибирской армией. В эту армию вступило немало и казаков. Командование этой армии было настроено весьма недружелюбно к КОМУ-

Чу, ибо эсеры занимались не столько военными проблемами, как пропагандой социалистической идеологии и борьбой против "контр-революции" — на то они и социал-революционеры. Их поведение весьма похоже на поведение современных так называемых либеральных сенаторов США в сальвадорских событиях.

Вместо того, чтобы без лишних слов помочь сальвадорскому правительству не только незначительным количеством оружия, но и послать одну-две дивизии, которые бы истребили красных партизан с их кубинскими соратниками в течение одной-двух недель, эти либералы ведут бесконечные и бесплодные дискуссии о "правах человека" и приписывают правительственным войскам, что они якобы чинят зверства, в то время как зверства красных партизан замалчиваются. Так и эсеры, замалчивая красный террор, утрировали террор белых. 5 расстрелянных коммунистов заменялись 50-ю убитыми рабочими.

Итак, видя, что на Урале и в Сибири начинается вторая керенщина, патристически настроенные офицеры разогнали КОМУЧ, его руководителей с Зензиновым во главе выслали в США; а некоторых, оказавших сопротивление, расстреляли. В это время, т.е. в ноябре 1918 года, в Омск прибыл адмирал Колчак, который направлялся на юг России в расположение Добровольческой армии генерала Деникина.

Переживая командование над всеми антикоммунистическими частями группа офицеров обратилась к адмиралу Колчаку с просьбой возглавить борьбу против большевиков. 18 ноября 1918 г. вся власть, как военная, так и политическая, перешла к адмиралу Колчаку, который был объявлен верховным правителем России.

Под командованием адм. Колчака было сформировано несколько армий, но в целом, обобщенно, они назывались Сибирской белой армией. Война продолжалась*.

В общем-то г. Дорошин считает мое описание военных действий на восточном фронте неправильным потому, что я в своей статье не упомянул о борьбе уральских казаков. Однако отсутствие упоминания об этой борьбе не может рассматриваться как неправильное описание гражданской войны на Поволжье и Урале, тем более, что уральские казаки воевали не в этом районе, а, главным образом, в своей области — бассейне реки Урала.

Г. Дорошину следовало бы понять, что цель моей статьи — не подробное повествование о военных действиях белых армий, а толь-

ко выяснение их социального состава. О Народной же армии я написал для того, чтобы показать, что предположение писателя Романа Гуля, что если бы антикоммунистическую армию возглавили народники, а не царские генералы, то тогда исход гражданской войны был бы другим, — неправильно. Поражение Народной армии на среднем Поволжье осенью 1918 г. показало, что это не так: Народная армия, находившаяся под контролем народников и эсеров, не была популярна ни у крестьян, ни у рабочих.

Не мог я остановиться на борьбе Уральско-го казачества еще и потому, что размер журнальной статьи этого не позволял. Ведь если описывать борьбу уральских казаков, то нужно было остановиться и на казаках оренбургских; на борьбе семиречинских казаков атамана Аненкова, который воевал совершенно самостоятельно; как и коснуться действий забайкальских казаков атамана Семенова, который тоже воевал самостоятельно и никому не подчинялся, и т.д.

Но претензии г. Дорошина как боевого уральского казака мне понятны, и я их всецело разделяю. Все, что г. Дорошин написал о борьбе с красными уральских казаков в своем письме, совершенно правильно. О героической и жертвенной борьбе уральских казаков с красными написано немало, и она мне хорошо знакома по историческим трудам и статьям как русских, так и советских авторов.

Довольно обстоятельно об этой ожесточенной борьбе написал советский автор Фурманов в своей книге "Чапаев". Конечно, как коммунист, Фурманов все описывает тенденциозно, много врет. Казаков он презрительно называет "казарой", представляет их не иначе как злодеями, а чапаевские красные банды — беззаветными борцами "за справедливость"; неграмотного, по профессии шарманщика, Чапаева он изображает гениальным полководцем. Но его банды ничем не отличались от шаек Пугачева, про которых еще Пушкин написал в "Истории Пугачевского бунта" как о "прочей сволочи". Да у Чапаева один полк так и назывался — Пугачевский полк.

Однако приводимые Фурмановым сведения: когда были отданы или взяты казаками Уральск, Гурьев и др. города и станицы; где красные выиграли, а где проиграли сражение, — приведены правильно; и если отбросить пропаганду и типичное большевистское бахвальство, то между строк можно увидеть, с какой отвагой и военным искусством уральские казаки били и гоняли по степям красных бандитов. Не мог Фурманов избежать и описания бесславной гибели Чапаева. Он со своим штабом и частями своей дивизии был окружен в станице. Все его соратники были изрублены в куски, сам же Чапаев, пытавшийся бежать

* "Перечисление войсковых частей Поволжья и Сибири в 1918—1919 годах" А.Еленевский. "Военная быль" № 89, 1968, г. Париж.

вплавь через реку, нашел свою могилу на дне. Есть на эту тему и фильм.

Уральское казачье население отдало на борьбу с большевиками все, что могло. По сведениям есаула В.А. Карташева*, в Отдельной Уральской армии числилось к концу 1919 г. 18 казачьих конных полков, примерно по 600 казаков в каждом. Кроме того, вместе с казаками воевали и следующие части, сформированные не из казаков (но какая-то часть казаков была и в них):

33-ий Николаевский стрелковый полк — 900 штыков; Гурьевский пеший полк — 700 штыков; 5-ый Уральский пехотный полк — 1500 штыков; 12-ый сборный полк — 1300 штыков; Семеновская дружина — 800 штыков; Пеший сводный дивизион — 200 штыков.

* Сибирская белая армия воевала дольше всех — почти 5 лет. Ее немногочисленные остатки закончили борьбу на Дальнем Востоке после взятия г. Спасска большевистскими войсками под командованием Витаваса Уборевичуса 9 октября 1922 г.

Был еще конный партизанский отряд полковника Карташова — 300 шашек; и Чижинский партизанский отряд — 400 шашек. Каждый казачий и пехотный полк имел 2—4 орудия. Всего же в Уральской армии числилось свыше 15.500 человек, из них в конных казачьих полках, которые имели нумерацию с 1-го по 18-ый, примерно 11.000 казаков.

Несмотря на недостаток вооружения (патронами пополнялись главным образом в отбитых у красных обозах) и материальной части, на отсутствие всякого снабжения, Уральское казачье войско успешно воевало, как сообщает г. Дорошин, почти 2 года. Несомненно, борьба уральских казаков заслуживает большого внимания, и она войдет в историю гражданской войны, как одна из самых стойких и героических. Если же, как упрекает меня г. Дорошин, "и об этой борьбе Нефедов ни слова не сказал", то только по вышеуказанным причинам.

Николай НЕФЕДОВ

* * *

В порядке обмена мнениями целесообразным было бы поделиться с читателями следующим.

В газете "Русская Мысль" от 25 февраля с.г. была напечатана статья постоянного сотрудника "Голоса Зарубежья" Доры Штурман "О злободневности прошлого", в которой правильно освещена фигура Ленина, как ее представляет себе Н.Валентинов, бывший одно время близко знакомым с создателем советского государства.

Д. Штурман пишет: "... нам становится ясно, что большевизм (марксизм-ленинизм) мог быть создан только людьми определенного склада, иметь инициатора и вождя определенного типа..." Верно, но, думаем, что недостает еще замечания: мог быть создан при одном лишь исключительно важном условии — наличии особой, роковой ситуации в России в тот день, когда Ленин поднялся на броневик у Финляндского вокзала по прибытии своем из-за границы в апреле 1917 г.

Уточнять, в чем заключалась суть роковой ситуации в стране в те дни не приходится, всем это достаточно известно: крушение вековой традиционной власти в России — в самый критический момент тяжелой, длившейся 2,5 года войны. Живя Ленин в другую эпоху, он, со всей своей волей и genialностью деспота, остался бы в истории второстепенной личностью, вроде, скажем, Чернышевского или Ткачева, не более. Произошло роковое совпадение событий: появление волевого типа мстителя (за

казнь члена его семьи) на исторической сцене, с одной стороны, и с другой — исключительно трагические события в России в конце 16-го и начале 17-го гг. Ленин своим крайне обостренным политическим чутьем и инстинктом хищника буквально на лету схватил, став на броневик и взглянув на лица и в глаза окружающих его во фронтовых шинелях солдат, эту трагическую ситуацию в стране и сделал выводы...

Если Франция, а с ней и Запад, избегли участи России, позволив Клемансо расстрелять дивизию солдат, митинговавших на фронте, то только потому, что война для Франции 1914 года, как и предыдущие войны, была как бы нормальной, обыкновенной — если не считать газовых атак — войной, да еще с традиционным врагом, милитаристской Германией. Для русского же человека с его особой восприимчивостью к правде, справедливости, осложненной отречением от престола императора, война предстала безумием, всенародным несчастьем, лишенной, как это было в первые месяцы войны, всякого подвига, героизма, не свойственных "сидячей", траншейной боине тех дней, и, обманутый обещаниями Ленина, солдат пошел за ним — навстречу еще большему несчастью, чем окопы.

Если Н.Валентиновым "не обсуждался вопрос о том, как и, главное, почему, — пишет Д.Штурман, — из-за каких своих и чужих качеств, благодаря и вопреки какому стечению обстоятельств тот или иной человек обретает и реализует возможность вершить Историю",

то нам хотелось бы, чтобы автор "О злободневности прошлого" пристальнее заглянул в это прошлое и показал, хотя бы тем, которые "родились позже",... благодаря какому стечению обстоятельств "вершится иногда История". Свидетелем же и очевидцем был сам ни-

жеподписавшийся, считающий, что в жизни народов совпадение, стечение обстоятельств играет роль иногда почище той, которую сыграл насморок Наполеона перед Бородинским сражением.

В. И.

* * *

В альманахе "Вече" много говорится о национальном возрождении в русском народе, а также о возрождении веры (православия), но ни слова о свободе как таковой. Создается впечатление, что для редакторов "Вече" главной координатой журнала является возрождение национального чувства в русском народе, но не чувства человеческого достоинства, элементарной свободы; для них свобода ставится, по-видимому, на второй, если не последний план. Она в их представлении – род болячки, угрожающей России разложением, а национализм – фактор профилактики против этого несчастья.

Я, как и многие другие, считаю, что единство Российского государства может быть достигнуто скорее именно на базе свободы, чем на национальном обособлении русского народа.

РЕБУС

(Читая мюнхенский альманах "Вече"). Пропаганда национального возрождения в России как профилактика против разложения ее свободой (из зарубежных разговоров).

Есть у Свободы три лица,
Вокруг которых без конца
У всероссийской диаспоры
Идут этические споры.

Одни ее богиней чтут,
Другие – вроде анархисткой,
А третьи попросту плюют
На лик ее антимарксистский.

К лицу какому ж было б нам,
Отнести скорей, о человеке,
Не скроем – с горем пополам –
Профилактическое "Вече"?

В. И.

ПАМЯТИ А. И. МИХАЙЛОВСКОГО

Все меньше и меньше остается в наших рядах "ровесников века"...

Вот ушел и еще один – и это чувствительная потеря для русской эмиграции: 24-го февраля с.г. в Мюнхене мирно скончался во сне известный журналист и общественный деятель Анатолий Иванович Михайловский, восьмидесятилетие которого было торжественно отмечено русской эмиграцией Мюнхена в октябре 1980 г.

Анатолий Иванович Михайловский прожил интересную, богатую контрастами жизнь. Сибиряк по происхождению, он уже в юности ознакомился со странами Дальнего Востока, а в 1920 г. в числе участников армии Колчака попал в Харбин. Оттуда он отправляется в 1921 г. палубным пассажиром на итальянском пароходе в Европу и, поселившись в Австрии, поступает в Венский университет.

Хотя А. И. никогда ни одну страну не считал и не называл своей "второй родиной", считая, что существует только первая и единственная, но Вена стала его, хотя и временным, но уютным домом, особенно после женитьбы, в 1928 г. Здесь он становится председателем Национального Русского Студенческого Союза, продолжая общественную деятельность, начатую еще на школьной скамье в Иркутске основанием Христианского Союза Молодежи для оказания морального сопротивления коммунизму. Также необычно рано – в семнадцатилетнем возрасте – Анатолий Иванович начинает заниматься журналистикой; в Харбине он уже постоянный сотрудник русской эмигрантской прессы. В Вене он продолжает работу в области русской публицистики, но, кроме того, изучив в совершенстве немецкий язык, становится постоянным сотрудником австрийской прессы (Wiener Neueste Nachrichten, Reichspost и др.) по русскому вопросу.

Включение Австрии в состав национал-социалистического государства принесло Михайловскому запрет журналистской деятельности. Но экономическая газета Sued – Ost Echo включила его в число сотрудников под видом переводчика (фактически же он исполнял обязанности редактора отдела).

Даже постоянные разъезды между местом работы (Белград) и "домом" (Вена) не оторвали Михайловского от русской общественной деятельности, которая в этих условиях приобретает социальный характер – оказание моральной и материальной поддержки оставцам, находящимся в бедственном положении. В этом деле ему неустанно помогает его жена Ванда Григорьевна.

После крушения нацистского государства Михайловские поселяются в Западной Германии. Здесь журналистская деятельность А.И., кроме печати, распространяется также на область радиовещания. Он входит в комиссию Координационного Центра по организации радиостанции Освобождение, сотрудничает в редакции Голоса Америки (Мюнхен) и Немецкой волны (Кельн).

Кроме того, он развертывает широкую лекторскую работу. Будучи членом Группы по борьбе против бесчеловечности, он объезжает пограничную полосу Западной Германии с докладами на немецком языке, освещающими подлинную сущность коммунизма и советской власти. С конца 50-ых до середины 60-ых годов им прочитано более тысячи докладов на русские темы в Швейцарии.

Всегда оставаясь верным православию (дед А.И. был священником), Михайловский никогда не был "религиозным шовинистом". Его сотрудничество с инославными – в первую очередь, католическими – христианскими организациями было проявлением экуменического духа задолго до того, как это слово стало "модным".

Религиозное и политическое Credo Михайловского ясно выражено в докладе "Нация в русско-православном восприятии", прочитанном им в русской библиотеке Толстовского Фонда 31-го октября 1980 г.

А.И. был неутомимым тружеником. День, большая часть которого не была проведена за письменным столом, был в его жизни редкостью. Даже в последние месяцы, потрясенный смертью любимой жены, быстро теряя физические силы, А.И. сохранял полную ясность ума и продолжал писать на актуальные политические темы буквально до последнего дня жизни.

Ирина Бушман

Опечатки, замеченные в № 24 "Г.З."

Напечатано

Следует читать

*стр. 1, 2-я колонка, строка 20 сверху
стр. 2, 1-я колонка, строка 3 сверху*

*знакомая вам
А.М. Бердяев*

*знакомая нам
А.Н. Бердяев*

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken – und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает.
Перепечатка разрешается, но с указанием источника.



"Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?"

ЯН ПРОХАЗКА.

*Плохая история?
Плохие народы??
Плохие вожди???*

*НА ЭТИ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТ
ДОРА ШТУРМАН В КНИГЕ
"НАШ НОВЫЙ МИР"*

Рукопись книги "Наш новый мир" (Теория. Эксперимент. Результат.) циркулирует в Самиздате с начала 70-х годов под псевдонимом В.Е.Богдан и была нелегально вывезена из СССР. Автор, эмигрировавший в Израиль, дополнил рукопись (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно подтвердили достоверность "подпольного" анализа. А значит, труд Д. Штурман может быть своего рода ориентиром для прогнозов развития советской системы.

Объем книги — 360 страниц; цена, включая пересылку, — 10 долларов (стоимость в Израиле — 75 шекелей). Книгу можно получить, отправив чек по адресу:
Sergei Tiktin, 422/6 Talpiot Mizrahk, Jerusalem 93802.



Протоиерей Д. Константинов

V. Rev. Dimitry Konstantinow

**ЗАПИСКИ ВОЕННОГО
СВЯЩЕННИКА РОА**

THE CROWN OF THORNS
Russian Orthodox Church in the USSR
1917—1967.

1980.

ZARIA 1979.

Стр. 78 с илл. Цена \$ 3.50 с пересылкой.

344 pp. Price: \$10 incl. postage

Заказы направлять:

ZARIA Publishing Co. 73 Biscay Rd., London, Ontario, Canada N6H 3K8.

или

**V. Rev. Dimitry Konstantinow,
P. O. Box. 272, West Hyannisport, Mass. 02672.**

* * * * *

Д.А. Антонов

ЧЕХОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

с приложением — Э.Бройде

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЧЕХОВСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Изд-во "Чеховград", 1982 г.

Объем (с приложением) — 296 стр., цена 10 \$, включая пересылку.

**Книги можно приобрести в магазине Нееманиса (Мюнхен)
и других магазинах русской книги Европы и США.**

